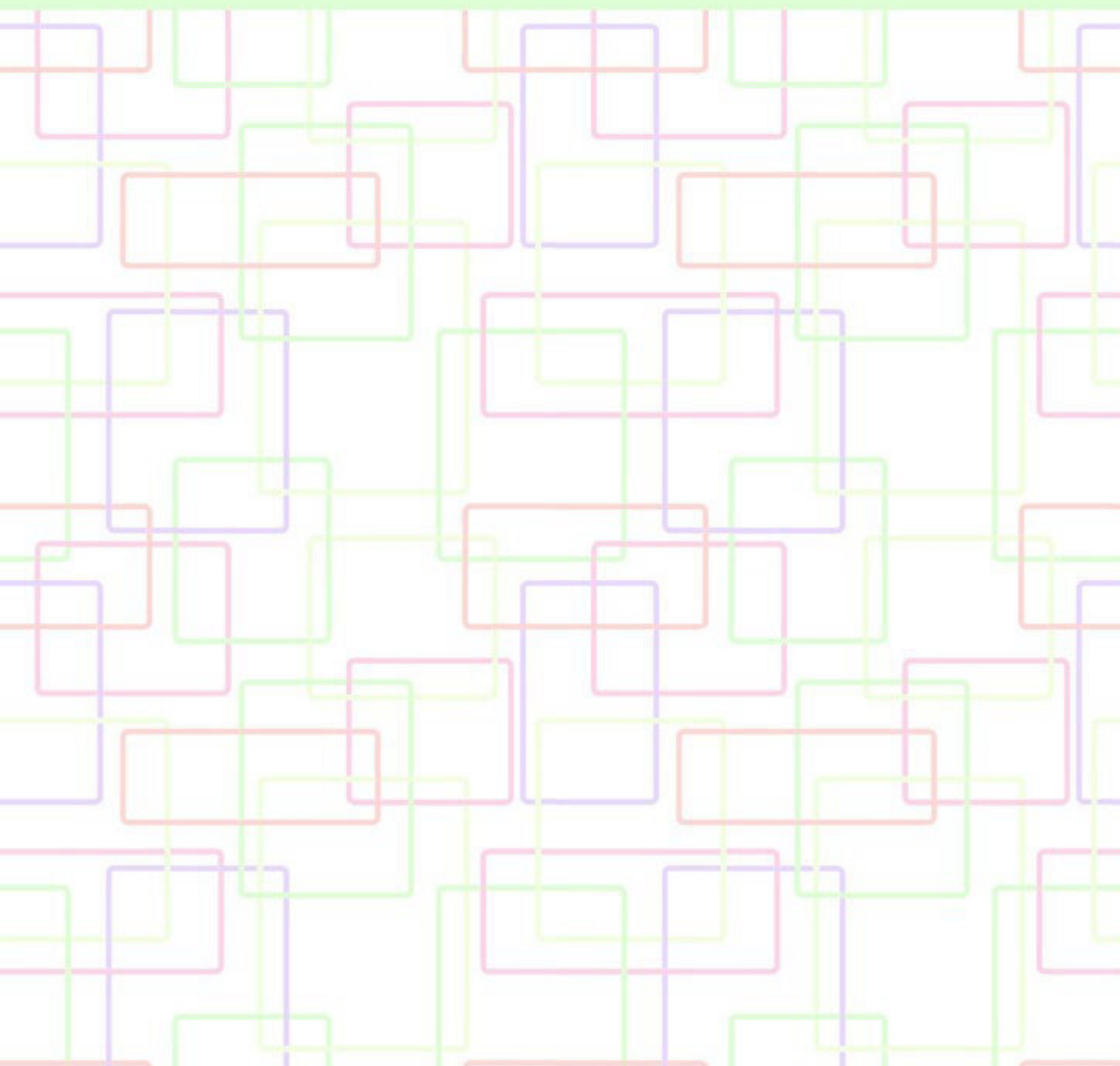

18+

Елена Кондратьева
Падалъщик

Елена Кондратьева

Пададьщик

«Издательские решения»

Кондратьева Е.

Падалщик / Е. Кондратьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-683613-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Женя — молодой, симпатичный и подающий надежды парень, вынужден ночевать на улице. Сколько бы он не пытался чего-то достичь, обстоятельства всегда оборачиваются против него. Но надежда, что он когда-то станет богатым, его не покидает. В погоне за быстрыми деньгами он ввязывается в авантюру и вынужден спасаться бегством. Тогда он и знакомится с богатой бизнес — леди Настей, которая предлагает ему очень хороший заработок за определенные услуги. Что он будет делать в такой безвыходной ситуации?

ISBN 978-5-00-683613-6

© Кондратьева Е.
© Издательские решения

Содержание

Падалщик	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Падалщик

Елена Кондратьева

© Елена Кондратьева, 2025

ISBN 978-5-0068-3613-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Падалщик

Для каждого из нас есть свое особое наказание. Кто – то не сдал экзамен в университете, всерьез подумает о том, чтобы броситься под поезд в метро. Другой напротив, нежели обрадуется, чем огорчиться, найдет новые перспективы, новые грани. Для одного потеря любимой, высокооплачиваемой работы сродни концу света. Другой махнет рукой и не будет страшиться повторного поднятия по служебной лестнице. У кого – то можно отнять его состояние, у кого – то его родной дом, у другого красоту, а еще можно отнять любовь...

1.

Бывало ли у вас когда – нибудь такое, что вам некуда было идти? И не в том смысле, что ты опоздал на метро или в общежитие, не в том смысле, что домой идти не хочется, а в самом что не на есть прямом смысле. Я не знаю какой по счету это был раз. Однако было странно, что я начал понемногу привыкать к этому, я уже не боялся. Я сидел на скамье, возле дома, который был моим последним пристанищем и из которого меня выселили за неуплату. Начиная холодать. Я даже порадовался, что было лето, зимой мне бы такой возможности природа не предоставила. Я облакотился на холодную скамью и положил ноги на свой старый чемодан. Пальцы на ногах скрючивались от холода, не было денег купить ботинки и приходилась ходить в дешевых китайских тапочках.

Тогда я даже пожалел себя. Я закутался в свою старую кофту с капюшеном, потертую и безцветную, с дырами на рукавах. В карманах звенела мелочь, я надеялся, что ее хватит на пару поездок в метро. Еще была пачка дешевых сигарет, когда я курил, мне казалось, что время идет быстрее. Нужно было что – то придумать, либо опять навязаться старым друзьям, либо познакомиться с какой – нибудь девчонкой и остаться у нее на ночь. Я умел обольщать. Я как котенок, выглядывающий из картонной коробки, смотрю жалобными, добрыми глазками. А может возьмешь меня домой?

Мне и самому было стыдно, что я живу вот так, где придется. Я не знал, стоило ли мне опять звонить моему лучшему другу. – Димка, друг, можно сегодня к тебе? – Конечно, Жень, какие проблемы! Я знал, что он не откажет. Но мне было совестно. У Димки была всего одна кровать, и делить ее с другим парнем не так уж приятно. Мой бедный друг забивался в угол кровати и укутывался в одею, как маленький мальчик, посмотревший свой первый фильм ужасов. Еще была Света – мой подруга по постели, иначе не назвать. Она – влюбленная в меня особа, готовая бросить все свои дела и забыть о том, что ей рано на работу, лишь бы провести со мной ночь. Бедная девушка, она знает, что я ее никогда не полюблю и прихожу к ней лишь от того, что идти больше некуда, но она рада и этому.

Когда у тебя не получается найти себе занятие по душе, остается лишь одно – думать. Это происходит невольно, ведь человек – такое существо, его мозг не может быть в состоянии бездействия. Кто – то размышляет о планах на будущее, кто – то подводит итоги удачного дня, а я, я просто предавался воспоминаниям. Я не чувствовал, что живу сейчас, жизнь казалась какой – то безвкусной и иногда даже горчила. Я вспоминал время, когда я наслаждался ей, всегда что – то происходило. Горе, радость, разочарование, боль, но это были эмоции. Я хоть что – то чувствовал.

Когда я учился в школе, я обожал уроки труда. Мальчики что – то выпиливали за станками, а девочки учились быть хозяйками. Я помню эти два отдельных кабинета, один напротив другого. В нашем классе пахло деревом, повсюду были опилки, в воздухе стоял стойкий запах перегара от нашего учителя. Мы с мальчишками все ждали, когда девчонки позовут нас к себе. Каждый понедельник они пекли всякие вкусности и приглашали нас на чай. Я помню, как входил в девчачий класс, эти стены с разными макетами моделей одежды, швейные

машинки, странные картины, сделанные ученицами, манекены и большой стол посередине. И главное – было так чисто, на столе белоснежная скатерть и такой приятный запах, который слышился еще в коридоре. Для меня это был совсем другой мир, девчачий мир. Для мальчишки двенадцати лет все это было в новинку.

Помню, как мы рассаживались вокруг стола. Девчонки приносили тарелки с выпечкой и разливали чай. Одна из моих одноклассниц принесла из дома особый чай, фруктовый (ее папа привез его из города, у нас такой не продавали. Для всех это было ново, пришлось заваривать один пакетик по три раза, чтобы все попробовали. Хоть девчонки еще толком не умели готовить, стрепня получалась отменной, хотя мне было не с чем сравнивать. Я доедал последний кусок пирога и оглядывал всех присутствующих. Тарелки и чашки были пустые. Рядом сидящая белокурая девочка смотрела на меня своими большими, кукольными глазами. Это я начинку делала: – говорит она. Мне было интересно все ли женщины умеют так готовить, если да, то я был готов жениться. Разве это не жизнь? Ты приходишь домой, а твоя женушка – стрекоза пархает у тебя на кухне, вкусно кормит, ухаживает, любит. Что же еще нужно мужчине? Для меня было странно, что некоторые мужчины не хотят жениться. В тот самый день я решил, что как только найду женщину, умеющую вкусно готовить, то тут же женюсь. Нужно было только узнать со сколько лет можно было вступать в брак.

Я всегда любил природу, но к моему сожалению, это не было взаимно. Больше всего меня не любил дождь. Мне хотелось смотреть, как проливаются его слезы, как они стекают по стеклу, оставляя прозрачный след... У меня была маленькая мечта, крошечная даже – когда – нибудь просто лечь на кровать, закрыть свои усталые глаза и слушать, как его капли ударяют о землю, это просто музыка. Только вот он, как назло, ловил меня в самые неподходящие моменты, лился на меня, когда я пытался заснуть на какой – нибудь скамье. Так и сейчас. На, Женя, получи очередной подарок от судьбы! Это, еще одно напоминание о ее немилости. Я ненавидел это. Хотелось спрятаться, хоть где – нибудь, сошла бы любая крыша, любая, только вот люди скорее приютят щенка, чем парня, у которого, мягко сказать, временные неприятности. А ну пошел вон, бомж! – сколько же раз я это слышал, хотя я не грязен и не бородат, как эти бедняги без постоянного места жительства. Как же это приятно наверное – смотреть на бродягу сверху вниз, презренно так, хоть когда – то быть выше, вернуться в свою теплую комнатушку и думать, что кому – то сейчас хуже, чем тебе.

Не хотелось надоедать Димке, но особого выбора не было. Я бы мог даже поспать на его коврик в прихожей, только бы не под дождем. Телефон был почти разряжен. Ну, еще бы! Батарея уже кричала, что ей нужно питание. Когда кто – то видит мой телефон, он не удерживается от издевки вроде: неужели такие еще производят? Чтож, даже у первоклашки и то найдется покруче. Мой мне подарили одноклассники на день рождения, устали, что когда расписание менялось или затевалось что – то важное, меня невозможно было найти. Он был самым дешевым, что было еще ждать от мальчишек из деревни, которые живут на деньги, присланные от матерей. Но я был и этому рад. Аппарат был тяжелым, огромным просто, кирпич, как такие сейчас называют. Сейчас на нем облупилась краска, треснутый дисплей выключается по своему желанию, а кнопка с цифрой шесть потерялась еще во время моего первого похода в пивнушку. Хорошо, что у тех, кого я еще не вывел из себя, в номере нет этой цифры.

– Ох, Димка, надеюсь сегодня к тебе можно, надеюсь ты не развлекаешься там с какой – нибудь девушкой. Да, о чем это я? Это же Димка. Какие могут быть девушки? Я стал уверенно набирать на телефоне его номер. Перезвоните мне пожалуйста. Черт, как же мне стыдно. Я уже и забыл какого это, когда баланс твоего телефона положительный.

- Алло, Жень, что – то случилось? – говорил голос в трубке.
- Почему что – то должно было случиться?
- Ну, ты же просто так ко мне не обращаешься!
- Это верно. Надеюсь, ты сам все понял, не хочу произносить это.

- Понял, дружище. Можешь ночевать у меня.
- Спасибо.
- Через сколько приедешь?
- Ты что, смеешься? Если я и могу приехать то только, украв чей –нибудь велосипед.
- Хм. Далеко идти.
- Кварталов девять или десять.
- Слушай, может мне такси тебе вызвать? На улице страшный ливень.
- Нет. Я и так у тебя в долгу.

Ненавижу быть у кого в долгу, тем более у друзей, особенно, когда знаю, что мне нечем отдавать. Десять кварталов это совсем не много, я проходил и больше, когда был курьером. В небе сверкали молнии, ветер усиливался и все сдергивал с меня капюшен. Мои волосы уже заметно отросли и падали на глаза. Ужасное ощущение, скоро прическа и вовсе превратится в женскую.

Не знаю почему, но мысленно я часто возвращался в детство. Скорее всего я пытался найти в нем какие-то ответы. Ведь психологи всякий раз горазды винить в проступках детей их родителей. Ошибки воспитания, если предполагать, что мне вообще знакомо это слово. Я помню только один момент, почему – то именно он, один такой четкий, яркий и правильный. Мне семь, я сижу у отца на руках. Я точно не помню, как он выглядел, помню только его большие руки, моя маленькая, детская ручка была в два раза меньше его руки и мне было совсем не страшно, когда он брал меня на руки, и помню его усы, такие густые, темные. Он говорит мне: – Знаешь, парень, что самое главное? Я не знал. Видимо отец заметил мою растренность. Самое главное – это семья, это женщина, к которой ты возвращаешься, это ребенок, который бежит к тебе навстречу. Я кивнул. Я запомнил, что сказал отец, однако, понять смысл было слишком сложно для моего возраста. Сейчас же, зная, чем закончился брак моих родителей, я никак не мог поверить в правоту отца. порой мне до сих пор кажется, что я слышу эти крики, крики матери. Я закутываюсь в одеяло, пытаюсь делать вид, что я сплю. Отец успокаивает ее, она кричит, что он бездарь, ничтожество, немужчина. Когда я был маленьким, я не понимал, что это значит, я спрашивал у матери, что плохого сделал отец, но она наказывала не задавать таких вопросов, а то я получу от нее кипящий чайник.

- Дим, открывай, это я, – говорю я в домофон.

Дверь открывается, волшебный мир сухости и тепла. Я завидовал Димке, у него была квартира, хоть и маленькая, хоть и в ипатеку, но квартира, пристанище. Хотя эти несчастные тридцать метров заставляли бедолагу гробить здоровье на ночных сменах. Димка – хирург. Благораря такой работе у него вырос живот, ушли бицепсы, которыми он так гордился, еще этот врач получил немалый букет болезней. Спасает жизнь какого –нибудь наркомана, который через неделю опять потянется за шприцом, помогаешь какой –нибудь девице оправиться от последствий голодания, а она потом и доброго слова о тебе не скажет. Ради чего все это? Нет, я бы врачом работать не смог.

У Димки в квартире всегда чисто, всегда приятно пахнет. Не знаю даже, когда он все успевает.

- Привет, дружище, проходи, – говорит он. – Может, поесть хочешь?
- Нет, спасибо.
- Может, вина выпьем? Мне как раз премию дали. Отпразднуй с другом.
- Ладно, от вина никогда не отказываюсь.
- Хорошо хоть у нас вкусы одинаковые, белое сухое.
- Отлично!
- Боже мой, ну у тебя и вид, закинь в стиралку вещи, я пока обед разогрею.
- Я же сказал, что не хочу есть.

– Тогда чей это желудок поет арии? Черт, Женька, твоя скромность тебя погубит. Да, кстати, возьми на батарее чистые труселя.

– Вот этого точно не стоит.

– Ты думаешь, я разрешу тебе щеголять по моей квартире в чем – то мокром и грязном?

Наконец – то я приму душ. Я уже и сам чувствую какой от меня исходит аромат, волосы грязные, как клоки у бездомного пуделя. Я ужасно себя чувствовал. Даже стирка на спасала мою одежду, ей давно было пора на утилизацию. Джинсы вытерты на коленях и на ягодицах, голубые, хотя были раньше синего цвета, кофта растянута, на рукавах было несколько дыр от бычков. Неужели я еще надеялся, что смогу пройти собеседование на нормальную работу?

– Ого, друг, да скоро я буду узнавать о твоём приближении по звуку, ты же костями скоро будешь греметь! – выпалил Димка.

– Все ведь не так плохо.

– Ты смотрел в зеркало? У тебя ведь ребра видно.

– Ты преувеличиваешь. Твой зад изрядно больше, только поэтому твои трусики с меня спадают.

– Да ладно! Лучше я добавлю тебе побольше макарон.

Димка – единственный, на кого я мог положиться, кому я мог довериться, он тот, кто всегда и во всем поддерживал меня. Он был замечательным человеком, полностью отдавался работе, потом мучался с постоянными головными болями и с бессоницей. Только вот женщины у него не было. Он говорил, что нужно выбрать что – то одно – или семью или работу, иначе чем – то придется пренебрегать. Он выбрал работу, это была его жизнь, это его все. Раньше я удивлялся, как он справлялся с постоянным воздержанием. Он говорил, что если мозг занят важными мыслями, то думать о низменных потребностях времени и сил не остается. Сейчас я понимаю его, я тоже забыл, что такое желать женщину.

– Садись уже за стол! Хватит витать в облаках! – выкрикнул Димка.

От стола шел дивный запах, я просто обожал его. Может все это было от того, что мне его недоставало в детстве. В нашем доме пахло чем угодно: сыростью, от протекающей крыши, перегаром от любовников матери или рвотными массами от них же. Я думал, что именно к этому я бы хотел возвращаться домой. Я мечтал о запахе пирожков с мясом, о женщине в цветном фартуке, на руках которой еще оставался аромат ее выпечки.

– Вот, дружище, тебе по – больше положил, как ты просил, – сказал Димка и пододвинул ко мне глубокую тарелку.

– Я ведь не просил.

– Да ладно тебе! Ты же не знаешь, когда тебе в следующий раз удастся так хорошо поесть.

Я знал, что он прав, я знал, что даже этой пищи мне будет мало, однако, я не хотел, чтобы кто – то лишний раз проявлял ко мне жалость. Это чувство никогда не красит мужчину. Я старался есть медленно и культурно, не подавая вида, что в моем желудке пусто уже пару дней.

– Тебе сейчас налить вина или после того как поешь?

– Сейчас.

Я любил вино, но только белое. Цвет красного пугал меня, он был слишком кровавым. Я помню, как в детстве, еще когда папа был жив, у нас была свежина, так называют день, когда закалывают теленка или свинью. Принято делать много блюд из свежего мяса, звать соседей и друзей и устраивать застолье. Я боялся этих дней. Я умолял папу не убивать того теленка. Я помню его глаза, такие невинные, что мое детское сердце обливалось кровью. Мать звала меня за стол, но я этого не хотел. Мне хотелось есть, но я не мог представить, как можно есть своего друга. Я тихо сидел в доме и никуда не выходил, даже не поздоровался с гостями. Я отчетливо слышал, как гости на улице спрашивали: а где Женя? Почему он не выйдет поздороваться? – Что за невоспитанность? В конце концов, мать не выдержала и, пригрозив, что я получу ремня,

если не выйду, потащила меня на улицу. – Гости на кухне, пойдй поздоровайся, – говорила она. Посреди кухни стоял большой деревянный стол, на сковородке в центре трещало только что снятое с печи мясо, у стены стояло два таза с телячьими ногами, которые мать собиралась пустить на холодец, и то, что я запомнил на всю мою жизнь – две литровые банки с кровью. Родители обожали это блюдо, выливали кровь на сковородку и жарили, пока она не превращалась в маленькие черные шарики.

– Ну что, не искал еще работу? – нарушил молчание Димка.

– Нет пока.

– Ты бы поторопился, скоро холода начнутся, не хочешь же ты с бомжами на теплотрассе ночевать?

– Черт, ну я заходил в те места, что были по пути. Только вот, почему – то никто не хочет нанимать беднягу в лохмотьях.

– Резонно!

– Что?

– Извини. Слушай, а ты никогда не хотел работать стриптизером?

– Ты сам себя слышишь?

– А что такого? У тебя смазливая рожа, мышцы где надо есть, да и деньги неплохие зарабатываешь!

– Ты еще в эскорт службе мне предложи работать!

– Успокойся. Ты ведь этого хочешь? Легкие деньги, никакой ответственности, никакого умственного напряжения...

– Нет! Мне просто нужна работа! Да я уже на все что угодно скоро буду согласен. Ты прав, скоро холода и мне нужны будут деньги хотя бы на то, чтобы снять койко – место в какой – нибудь халупе.

– У нас в больнице есть вакансия.

– Слушай друг, да я буду твоим пожизненным должником.

– Я устрою тебе собеседование, придешь завтра в десять утра, поговоришь с кем надо и все.

– Что за должность?

– Хорошая, как раз для тебя.

– Впринципе, мне уже не важно какая, я могу быть гордеробщиком, могу на телефоне сидеть или, что у вас еще там.

– В десять утра, завтра. Там все расскажут.

– Димка, ну ты настоящий друг!

Звук будильника резал мой слух, усталые веки никак не хотели отлипнуть друг от друга. Я чувствовал аромат едкого мужского парфюма, смешанного с запахом освежителя воздуха с морским ароматом и еще запах какой – то еды. Димка установил будильник на девять утра. Мне нужно было поторопиться, иначе я мог опоздать на собеседование. Эта работа была нужна мне. Я был даже готов переступить через свою гордость. Когда у тебя в кармане лишь пара монет, выбирать не приходится.

Димка был несказанно щедр, оставил мне на стуле чистую рубашку с брюками, даже записку оставил (знал, что я не возьму сей подарок), написал, что это его старые вещи, сейчас они ему весьма малы, и если я их не возьму, он их попросту выбросит. На столе стояла сковорода с остывшей яшницей и колбасой. Я подумал, что мне тоже нужно будет сделать для своего друга что – то хорошее, когда я выберусь из долгой ямы.

Пришлось потратить свой последний жетон. Больница была через пять станций метро. Раньше мне не приходилось бывать там, да и вообще в больницах, организм у меня был крепкий, максимум я мог заработать насморк зимой. Хотя постоянные ночевки на улице и к этому

выработали иммунитет. А вот и нужное здание. Последний раз я был в больнице на обследовании перед поступлением в университет. Давно же это было. До сих пор помню эту пытку, ненавижу когда в меня тычут острыми иглками, щупают и привязывают какие – то проводки. Хотя, думаю, что найдется мало тех, кто все это обожает. На вывеске был третий номер, значит я пришел куда нужно. У входа стояло несколько машин, из дверей выбежали двое детей, за которыми бежала хромая мать, и выехал дедушка на инвалидной коляске. Я сразу почувствовал запах лекарств и анализов. Отличное, однако, было начало! В холе я увидел длинную очередь, состоящую почти из одних старушек, ее разбавляли лишь несколько молодых парней и девушек, здесь же бродили врачи в белых халатах и масках. Мне нужно было в кабинет пятсот четыре, скорее всего это было на пятом этаже. Я прошел мимо лифта, на нем была табличка не работает. Чего же еще я мог ожидать от бесплатной медицины? – А ну, пошел с дороги, козел! – крикнул на меня здоровенный мужик, спускающийся по лестнице и несущий какие – то огромные банки. Ну чтож, вот он, пятсот четвертый.

– Можно? – спросил я, преоткрыв дверь.

– Вы по какому вопросу? – спросила полная женщина в белом халате, пуговицы которого еле держались в петлях.

– Я от Дмитрия Анатольевича.

– Тогда проходите.

Полная женщина достала из своего стола бумагу и дала мне заполнить. Я старался отвечать на вопросы полно и верно, однако некоторые вопросы всерьез расмешили меня, такие вроде, какую музыку я слушаю или как провожу свободное время. Пока я заполнял эту анкету (три листа с обеих сторон) полная докторша, не стесняясь меня, уплетала бутерброт с вареньем и раздражающе громко глотала кофе из большой кружки.

– Заполнили? – спросила она.

– Да.

– Может хотите проверить?

– Нет, спасибо.

– Хорошо. Тогда ответе на несколько вопросов.

– Я слушаю.

– Полный лет двадцать пять, верно?

– Да.

– Дата рождения?

– Пятнадцатое сентября.

– Значит вы весы. Отлично. Прописка?

– Послушайте, женщина, в анкете ведь все подробно написано.

– Успокойтесь, я просто уточняю информацию. Прописка есть?

– В области.

– Хорошо. Образование?

– Неоконченное высшее.

– Вы в дальнейшем собираетесь оканчивать это учебное заведение?

– Нет.

– Причина?

– Можно следующий вопрос?

– Предыдущий опыт работы.

– Официант в ресторане.

– Причина увольнения?

– Непонимание со стороны начальника.

– Можете написать телефон директора ресторана?

– Что? Зачем вам это? – немного повысив голос, спросил я.

– Чтобы связаться с ним и взять рекомендации.

– Нет. У меня был номер, но у меня новый телефон, так что...

Я соврал. Я не мог рассказать правду о случившемся в том ресторане. Я чувствовал, что обстановка становится напряженной. Полная врачиха видела, что со мной что – то не так.

– Я так понимаю, в больнице вы никогда не работали?

– Нет, не работал.

– Знаете, если бы не Дмитрий Анатольевич, который вызывает у меня глубочайшее уважение, я бы не взяла вас себе в штат. Вы должны быть ему благодарны! Ваш испытательный срок – один месяц. Одно нарушение и вы уволены. Зарплата на испытательном сроке – десять тысяч рублей. Сейчас, подойдите к Ивану Сергеевичу и выберите себе форму по размеру. Идите!

– Подождите, а какая у меня должность?

– Дмитрий Анатольевич не сказал вам? Вы – новый санитар.

Я словно побывал на допросе, я со времен Университета не писал так много, как в той анкете, и в итоге меня – симпатичного, адекватного парня с незаконченным, но все же образованием не хотели брать в санитары! И что я буду получать? Десять тысяч? Десять тысяч за ежедневное мытье причинных мест стариков! Я уже мысленно представлял, что мне нужно будет есть, чтобы прожить месяц на эти деньги, я уже мысленно взвешивал полтора килограмма чичевицы. Я облокотился на стену возле кабинета этой полной теткой и глубоко вздохнул.

– Евгений Олегович, – окликнула меня врачиха, резко открыв дверь. – Забыла вам сказать, вам нужно будет подстричься. Обратитесь к главной сестре. Кажется, у нее была машинка.

Ну все, – подумал я. Какого черта я должен состригать волосы? Я что в армии? Сейчас же пойду к Димке и поблагодарю за эту работку. Я помнил номер его кабинета, он все время упоминал его в разговорах. Второй этаж, хирургическое отделение.

– Что за хрень ты мне подсунул? – выкрикнул я с порога.

– Ты о рубашке? Ну да, кажется горизонтальные полосы тебя полнят.

– Ты смеешься? Почему ты не сказал мне, что эта должность санитаря?

– А что ты хотел? Ты думал тебя врачом возьмут?

– Нет, я...

– Ты вчера сам сказал, что согласен на любую должность!

– Но я не хочу подмывать стариков!

– Эй! Кто сказал тебе, что санитары – мужчины делают это? Все гораздо проще! Тебе все объяснят. Пройдет испытательный срок и зарплата очень изменится, будешь иметь больше смен, будешь получать больше денег. Знал бы ты сколько я получал, когда был интерном!

– Хорошо, я попробую.

– А я про что? Просто попробуй, ты всегда сможешь уйти, главное, чтобы было куда уходить.

– Спасибо Дим. И кстати, классный у тебя кабинет.

2.

Нас всегда учат довольствоваться малым, любить себя такими, какие мы есть, искать того, кто полюбит нас за нашу чистую душу, только вот никто не предупреждает, что это чертовски трудно. Дворник должен быть доволен тем, что убирает мусор и не желать большего, официантке в придорожном кафе нужно воздавать хвалу небесам за два доллара, которые оставил ей их завсегдатай, а примерному семьянину не стоит смотреть, как его богатый сосед заводит с пол оборота свой новенький Лексус и покрываться искомой зависти, ему нужно просто сесть в метро, посадить на колени свою маленькую дочурку, потому как в вагоне больше нет мест, покопаться в кормане и найти мелочи ей на мороженое. Мы все должны быть благодарны за то,

что мы имеем. Я посмотрел на потолок и прошептал: – Прости меня господи, но я так не могу! Человеку свойственно желать лучшего, желать большего, желать нового.

Я вспоминал вчерашний разговор с толстой врачихой. Поразительно, как низко могут опустить человека на собеседовании. Каждая маленькая конторка нарочит выставить свои требования, а мы приходим туда, как за подоянием: – возьмите меня, пожалуйста. Мы готовы работать за десять тысяч рублей в месяц, трудясь по десять часов в день с одним выходным в неделю, и все ради того, чтобы шефу было, чем набивать свое толстое брюхо. – Простите, но вы нам не подходите, – говорят они. И мы идем домой, потирая нос, пытаясь, как можем поднять свою несчастную самооценку.

Я чувствовал себя так паршиво, облокотился на спинку стула и закрыл глаза, ждал пока в голову придут светлые мысли. Я ненавидел себя. Мне не хватало ума, чтобы придумать, как заработать денег, как открыть свое дело. Я был годеи делать то, что мне говорят, как собака. А ведь хотел я немногого: свой уголок, просто четыре стены, которые принадлежали бы только мне, нормальную работу, где не нужно каждый день нюхать лекарства, и женщину, к которой я буду возвращаться домой. Но нет! Я достоин совсем не этого. Я будто в пасти падальщика, так я вижу этот проклятый город. Нормальные деньги здесь можно заработать только снимаясь в порно или занимаясь проституцией, и город – падальщик это с удовольствием проглатывает.

Первый день. Я все еще сидел и ждал задание. Вчера мужчина, что выдавал мне форму от души посмеялся над моей комплекцией. Он говорил, что форм такого размера вообще не шьют, мол мне нужно было делать их на заказ или искать в детских магазинах. Меня не обидели его слова, видимо это был единственный веселый момент за весь его рабочий день. Он так смеялся, что казалось, его красная башка вот – вот лопнет. Однако форму он все – таки нашел, правда она оказалась немного не по размеру, была чуть широка в плечах. Я не понимал, к чему стоило устаивать этот цирк, может у санитаров было положено высмеивать новичков. Я бесспорно уступал по телосложению тому полному мужчине, его рука была толще, чем две мои, а грудь была обвислой, как у пожилой женщины. Мне приказали сесть и ждать не понятно чего, просто ждать. Рядом было несколько кабинетов, где берут анализ крови. Люди заняли весь коридор, толкались и ругались с друг другом. Было слышно, как кричит чей – то ребенок. А я все еще ждал.

Честно сказать, я боялся крови, не то чтобы падал в обморок при ее виде, но эта субстанция вызывала у меня отвращение, она ассоциировалась с болью. Я помнил день из моего детства. Мне все еще семь. Мне нужно было вставать в школу. Будильник еще не зазвенел, но я чувствовал, что уже светло. Меня разбудили крики матери на кухне. Отец собирался на работу, а мать его бронила. Она кричала, что он должен бросить такую работу, что ей за него стыдно. Потом я услышал грохот. Я испугался и побежал на кухню, посмотреть в чем было дело. На полу была кровь, дорожка из капель алой крови. Мать стояла в углу с железным ковшиком в руке, отец рядом прикрывал лицо руками. – Что случилось? – тихо спросил я. Тогда отец подошел ко мне и наклонился. Все его лицо было в крови, на лбу была открытая рана, кровь из нее текла по лицу и из- за этого отец прикрыв левый глаз. Он взял меня за плечи и громко сказал:– Ты не должен этого запоминать, это невзправду.

– Эй, мелкий, вставай, работка для тебя есть, – услышал я чей – то голос. – Ну, чего расселся? Здеь тебе не курорт!

Я поднял глаза. Лицо говорящего мужчины было мне незнакомо. Он был молод, или просто хорошо сохранился. Я поймал себя на мысли, что совершенно не следил за временем. Корридор опустел, слышен был лишь стук каблучков одной молодой медсестры, которая относил пробирки с кровью в лабораторию. Я понял, что прошло не меньше двух часов.

– Куда идти? – спросил я у незнакомого громилы.

– На шестой этаж, в пластическую хирургию, пациента нужно на каталку положить. Ох, черт! Ты хоть справишься, а? Уж больно ты хилый.

Мужчина нахмурил брови и старательно почесал затылок. Меня уже начинали донимать эти их шуточки. Они говорили со мной так, будто бы я был доходягой, которого не берут в армию из – за недовеса. Да уж, будь я очередным здоровяком без царя в голове, я отлично бы вписался в их среду.

– Я справлюсь, не беспокойся, – уверенно сказал я.

– Не понял, мы что вдруг стали приятелями? – удивился мужчина.

– Что?

– Ко мне нужно обращаться на Вы, я старше и выше в должности, проявляйте уважение!

– Хорошо, простите.

Мы шли по длинному коридору, я и мужик, которого я называл на вы, он шел впереди, изредка поглядывая не отстал ли я. Люди вокруг, как мазки разных красок, пронеслись мимо, не давая шанса запомнить их, только их цвет, лазурный для докторов, темно синий для санитаров и какой – то серый для больных. Все было живым, все были заняты работой. Я проходил по коридору и смотрел по сторонам: идентичные белые двери, похожие очереди, казалось этот коридор бесконечный. Интересно, изменится ли это когда –нибудь? Будет ли так, что я буду ходить на работу с радостью? Случится ли, что я буду опускать руку в карман пиджака и нащупывать там ключи от своей квартиры? Возможно ли, что я стану отвечать на телефонный звонок любимой женщины, которая звонит просто, чтобы спросить как у меня прошел день. Ох, ну и многого же я хотел! Хотя если уж выбирать, я бы выбрал третье. – Сюда, – говорит мой гид по здешним джунглям. Мы сворачиваем направо. Я удивился, что у лифта не было очереди. Наверное это просто был мой день.

– Нажми кнопку, – говорит верзила – санитар.

– Какую?

– Если что, пластичекая хирургия на шестом, – раздраженно говорит мой гид.

– Хорошо. Теперь я буду знать.

Я потянулся за кнопкой, не обдумывая тот факт, что здоровяку было бы куда проще нажать ее, ведь тот стоял рядом, а я нет. Ну чтож, субординация есть субординация! Пока мы поднимались на шестой, старший санитар смотрел на меня с укором, как учительница на первоклашку, которая никак не может запомнить сколько будет дважды два. Лифт пару раз оставался, один раз на втором, где к нам присоединилась милое создание в больших очках, которая, поглазев на меня, вышла на четвертом. И вот он шестой. От того, что это было отделение пластической хирургии мне стало не по себе, я почему – то почувствовал себя больным, пришедшим сюда исправить себе нос или еще что – то. Просто поразительно, это отделение существенно отличалось от остальных. Все вокруг блестело от чистоты, видно было, что недавно был ремонт, в коридоре две уборщицы старательно натерли пол.

– Тебе в палату номер шесть, – проинструктировал меня мой так называемый начальник.

– Палата номер шесть, забавно! – произнес я.

– Только давай без иронии, – злобно произнес мой командир и нажал на кнопку вызова лифта.

Мне всегда было интересно, как все это делается, я пытался заглянуть в преоткрытые двери кабинетов, но так ничего и не уловил. Я услышал, как из какой – то палаты доносится раскатистый женский смех. Шестая палата, ну конечно.

Я даже не знал будет ли это правильно, если у меня когда –нибудь появится девушка, какая –нибудь наивная милашка влюбится в меня всем своим сердцем и будет помогать мне выбраться из этой затяжной ямы. Только вот я не хочу быть виноватым в чем – то, пусть я загубил свою жизнь, но себя мне ничуть не жаль. Я не из таких, кто обвиняет в своих бедах всех, кроме себя самого. Если бы я завел девушку, мне нечего было бы ей предложить, кроме разве что своей руки и сердца. Я бы сгубил еще одну душу так же, как сгубил свою, мы бы вдвоем старались найти хоть что –нибудь, чтобы не умереть от голода. Ужасно! А наш ребенок,

который возможно вскоре появился бы на свет, носил бы в школу бывшую в употреблении одежду и завидовал бы одноклассникам, которые бы покупали дорогие тетрадки и учебники. Возможно переносить страдания легче, если делишься ими с кем – то. Не знаю, возможно. Однако, я буду нести свой крест в одиночку.

– Ты пришел за мной? – спрашивает девочка, сидящая на кровати. – Ой, что я говорю? Мне что – то вкалоли, вот, смотри! Она протянула мне правую руку.

– Я положу тебя на каталку, – говорю я. Слышно, как к палате подходят еще несколько человек.

– А ты красивый...

Она было такой юной. Я подумал, что ей не больше шестнадцати, но потом вспомнил, что запрещено делать пластические операции несовершеннолетним. Она была миловидной, с длинными, вьющимися, каштановыми волосами и красивыми скулами.

– Подойди ближе, – говорит девушка. Она пристально осматривает меня и повторяет: – Ты такой красивый, может быть мы могли бы... Ха, что я делаю, ты же санитар! Ой, извини! Не обижайся, ладно?

– Я не обижаюсь на правду.

– Я Маша. Хи, смешное имя.

– Нет, вполне красивое, и ты тоже красивая.

– Спасибо, – протяжно говорит она. После операции буду еще красивее.

Я услышал, как кто – то открыл дверь в палату.

– Как тебя зовут? – спрашивает пациентка.

– Женя.

– Женя... – протяжно произносит она, потом смеется.

Доктор, вошедший в палату говорит, что медикаменты уже подействовали. Я подкатываю каталку ближе к кровати и помогаю девушке спрятать ее волосы в шапочку. По пути в операционную она несколько раз произносила мое имя и потом заливалась громким смехом. Я смотрел на ее лицо, на тело, не было изъянов, некрасивостей, она была прекрасна, я не находил того, что нужно было бы исправить. Я выдохнул и сказал про себя: женщины...

Наверное, мы встаем на путь взросления, когда начинаем понимать все похабные шуточки в фильмах, когда видим, что девчонка, которая мила нашему сердцу, приходит в школу в бюстгалтере, когда мы обращаем на это внимание... Я не был, как все. В свои тринадцать я слушал рассказы знакомых мальчишек, но ни разу не побывал рассказчиком. Я помню, как видел двух своих лучших друзей, садящихся на велосипеды, наблюдал, как два их силуэта становятся меньше и совсем исчезают за поворотом. Я знал, куда они ездили. У этого места не было своего названия. Ближе к вечеру мы собирались на лавочке возле моего дома и мальчишки рассказывали мне, что произошло в этот раз. Они говорили, что снова целовали девчонок, по – настоящему, по – взрослому, так, как это делают в фильмах. Один говорил, что в тот день было невероятное, девчонка показывала стриптиз, танцевала у костра и медленно снимала майку, еще они говорили, что у них были специальные ямы для какого – то дела. Я не спрашивал подробностей. Я думал, что еще не до конца созрел для обменивания слюной с женской рассой.

В один день, когда лето уже близилось к концу, один из моих друзей сообщил мне, что я нравлюсь одной девчонке, и она хочет поехать со мной в то секретное место. Поначалу я отбрыкивался, пока не узнал, что это была Та самая. Мальчишки говорили, что с первого раза не всегда хорошо выходит, наказали мне не открывать глаза во время поцелуя и обязательно почистить зубы. Я ужасно боялся, не знал толком, что и как делать. Я мчался на велосипеде к ее дому, подгоняя время, как только мог, дабы этот момент, наконец, пришел. Она села близко – близко ко мне, обнимала меня за живот и прижималась сзади, я ехал быстро и из – за боязни

упасть, она все сильнее цеплялась за меня. Это и было наивысшим счастьем, я не желал большего, только бы она не отпускала руки.

Их тайное место оказалось всего лишь опушкой леса. Мы уселись на бревна, Та самая села рядом со мной и взяла меня за руку. Мальчишки достали из карманов сигареты и предложили девчонкам. Я ожидал, что Та самая откажется, но она взяла, подкурила с третьего раза отцовской зажигалкой и вдохнула. Другие кашляли, но не она. Было видно, что это далеко не первый ее раз. Компания о чем – то болтала, а я молчал и смотрел на нее, она больше не была ей, она не была Той самой, что – то вдруг исчезло. Девчонка тянулась к моим губам, но я отворачивался. Она сказала, что научит меня целоваться. Я чувствовал запах сигарет и еще алкоголя, я знал это, так же пахло от моего отца. Она просила потрогать ее грудь, хвасталась, что у нее больше всех в классе. Да, я хотел научиться целоваться, но не так, не с ней. Я увидел те ямы, про которые говорили друзья, теперь я понимал, для чего они им. Краем глаза я видел, что мои друзья не отворачивались от девчонок, как я. Наверное, для меня там не было места...

Я не мог понять, куда все пропадает. Куда исчезло то маленькое чудо, которое строило мне глазки на уроках труда? Где ее яркие и чистые голубые глаза? Их как будто бы сжег сигаретный дым.

– Эй, песик, хочешь возьму тебя домой? – услышал я женский голос.

– Нет, мне и здесь хорошо.

Будь она по – моложе и полегче килограмм на семьдесят я бы еще подумал побыть ее собачкой, но а так, нет уж. Такая может и взаправду наложить еду в собачью миску и оставить спать на коврик в прихожей. Да, я снова спал на улице. До моей первой зарплаты было еще далеко, а погода была благосклонной. Я протяжно зевнул и попытался вспомнить конец истории. Но стоило ли? Дальше был мой побег только и всего. Мне нужно было не слабо напрячься, чтобы вспомнить ту, с которой это произошло в первый раз. Помню только, что прошло это около двух лет после той неудавшейся попытки. Да, вот так! Вот такой я залежалый фрукт, или, лучше сказать, поздний цветок.

Сон уже подходил ко мне на своих мягких лапах. Мне нужно было подумать о чем – то приятном напоследок.

В детстве нас спрашивают, кого мы любим больше – маму или папу. Я всегда говорил, что папу. Мне наказывали, что так нельзя, нужно было говорить, что я люблю и маму и папу абсолютно равнозначно, одинаково. Но я стоял на своем, даже если бы у меня спросили это после смерти отца, я бы все равно сказал, что люблю отца больше. Он был замечательным. Он сам построил дом, в котором мы жили. Я помню, как сильно я боялся звука бензопилы и мать отводила меня по – дальше во двор. Я противился. Я всего лишь хотел посмотреть, как отец орудует ей, как забивает гвозди с двух ударов. – Вот бы мне научиться так, – думал я. Еще помню, как во двор заходили соседи, некоторые шептались, другие говорили вслух. Они думали, что отцу не по силам построить дом, что он должен не выделяться и нанять бригаду строителей. Однако он смог. Хотя даже мать не верила в него, и все время корила, что тот ее не слушает, зато я верил, этого было достаточно. Дом вышел просто сказочный, я не видел нигде в округе таких. А соседи приходили снова и говорили, что они всегда верили, что у отца все получится. Люди... Они порой мало чем отличаются от стада баранов. Они даже хуже. Бараны ведь не притязают на уважение, не говорят, что каждый из них неповторимая личность.

Отец говорил: – Не обои, а обе! Обои в спальне на стенках! Я повернулся, а мой палец все еще показывал направо. Мы с отцом были в новом магазине, и я положил глаз на яркую куртку с копушоном. Отец говорил, что я могу выбирать все, что захочу, в тот день у него была зарплата, и он мог позволить себе немного раскошелиться. Я все никак не мог выбрать, мне нравились сразу две куртки: синяя и красная. Отец обнял меня и сказал, что купит мне обе. Моей радости тогда не было предела. Отец подошел к продавцу и отдал ему несколько бумажек. Я уже знал, что такое деньги, но еще не знал их цены. Я думал, что это ничего, ведь у отца

в кошельке остались еще такие же бумажки, значит нам было, на что жить. Я бежал к матери, чтобы та порадовалась за меня, но она почему – то нахмурила брови. Она все переспрашивала у отца, сколько он заплатил, она ходила по комнате и махала руками. Мне было всего шесть, я просто не знал, что отец отдал за те куртки половину зарплаты. Мать начала кричать на отца, но я знал, что виноват был я, это я сказал, что не могу выбрать. Я покаился матери. Та молчала и злостно сжимала губы. Отец поднял меня на руки и понес в мою комнату, по дороге он сказал, что отдал бы все, что у него есть, только бы я еще раз почувствовал себя, таким же счастливым. Смех ребенка безценен.

Я всегда отлично высыпался, когда спал на улице, да и не только там, в общем, привык уже спать где придется, есть что придется или вообще не есть. В больнице ничего не менялось, все тот же вызывающий у меня рвоту запах, такие – же очереди день за днем, медсестра из процедурного кабинета все так же ходила с косой и розовой резинкой. Я работал, передвигал что – то или кого – то, что – то приносил. В тот день у меня почти не было времени, чтобы посидеть и повспоминать события прошлого, как я это обычно делал. Я познакомился с другими санитарями, они были более дружелюбны, чем те, которых я встретил в свой первый день. Я даже удивился, эти двое были намного хуже чем я, один был в больших очках, а у другого были волосы до плеч, которые кстати нуждались в мытье. Я знал, что главный санитар лукавил, когда говорил, что невозможно было найти форму моего размера. Еще я заметил, что одна медсестра флиртует со мной. Я все думал, не мерещится ли это мне. Она носила склянки с анализами кала и мочи и все время поглядывала на меня, улыбалась и преподнимала левую бровь. В целом она была симпатичной, только вот, не знаю даже, не очень – то воодушевлял меня этот образ.

Я желал, чтобы мой рабочий день был поскорее закончен, когда я заходил в эти большие двери, я уже думал о том, как по – быстрее скоротать время. Но когда работа была закончена, я не знал, что делать дальше. Даже хотелось еще поработать, сделать хоть что – нибудь. Вчера я нашел отличное место, место, где я смог бы продержаться несколько ночей. Это был старый склад, куда выбрасывали сломанные шкафы и кровати. Они не закрыли его на ключ, может подумали, что там нечего было воровать. Я расположился на кровати у левой стены, другие были либо совсем в плачевном состоянии, либо дорогу к ним перекрывали громоские шкафы. Правда на той кровати были сломаны две задние ножки, но это было лучше, чем скамья в парке. Где – то в куче рухляти я выискал старое, порванное одеяло и матрац с дырой посередине. Этого более чем хватало, главное, что мне было тепло, остальное было неважно. Я унес с подоконника чей – то недоеденный обед в пластиковой тарелке, мне повезло, что уборщица не успела его выкинуть. Теперь у меня было и пропитание и кров.

Рано утром, разбуженный шумом кипящей жизнью больницы, я спешил покинуть свое временное жилище. Сначала я боялся, что кто – то заметит меня, но потом понял, что никому не было дела до этого места. Уже неделю с потолка капала вода и никто не приходил починить протечку. Я делал вид, что спешу сделать очередное задание, здоровался в коридоре со Стасом и Славой, теперь уже знакомыми санитарями, я спешил в уборную. Хоть я и был бродягой без определенного места жительства, но я всегда старался следить за своим внешним видом. Мне даже было не чуждо чувство стиля, просто не было денег, чтобы выразить его. Я почистил зубы своей пастой, которая кстати была самой дешевой и как на зло заканчивалась, умылся и был готов выполнять их сегодняшние поручения.

Мысли быдто бы сами лезли в голову, словно бы напоминая мне, что я все еще человек, я не должен был прекращать мыслить. Я шел к лифтам, чтобы подняться на пятый этаж, но там была слишком большая очередь. Нужно было торопиться и пришлось бы наверное подняться по лестнице. И опять эти мысли... Он был единственной светлой частичкой, единственным стимулом, разрешением. Мой отец, мой родитель, мой Ангел. Я так жалел, что у меня

не было его фотографии, ни единой, я не мог сравнить его с собой, найти общие черты, вспомнить его. Я помнил только его усы, его вьющиеся волосы, его улыбку... Я не знал почему, да и боюсь никто не знает, почему бог одаривает одних людей многими талантами, а других обделяет вовсе. Я был бездарью, а мой отец был творцом, мастером, все, чего он касался преображалось. Взять хотя бы наш дом с резными вставнями или тот кассетный магнитофон, который он собрал из кем – то выброшенных деталей. Я поражался, насколько крепка была его сила воли. Он все время проводил, творя что – то, чинил телевизоры и радио у нас в кладовой, даже не взяв за это деньги, вырезал из дерева дощечки для резки, ровно и аккуратно делал из кирпичей печи, и все это безвозмездно. Еще он писал стихи. Я до сих пор помню ту маленькую, коричневую тетрадку, которую он всегда носил с собой, чтобы не пропустить моменты вдохновения. Я не помнил его стихов, они были о любви, женщинах, о детях, о счастье в общем. Перед сном я просил папу прочесть мне парочку. Мой любимый был о сыне, отец никогда не признавался, но я знал, что он посвятил его мне. Тогда я помнил первое четверостишие наизусть. Сейчас уже нет. Только это: И был у него единственный сын...

Я, наконец, дождался, когда очередь к лифтам поредеет. Я не очень то и хотел, чтобы он приехал. Я так погрузился в мысли об отце, они были настолько приятными, что мне не хотелось всплывать на поверхность.

Он умер, когда мне было семь. Это был цироз печени, это была моя безпринципная мать. Я никогда в жизни не винил его за его пристрастие к алкоголю. Напротив даже, как – то пытался оправдать. Он просто топил в стакане всю ту мерзость, что ему приходилось слышать, весь ее гнев. Для нее все, что он делал было поводом для истерики: его работа на лесопилке, его стихи, как трата времени, его добрые дела, что оставались без оплаты и ее загубленная жизнь. Она не устроила похороны, это сделала семья отца, она даже не удосужилась на них прийти, хотя и собиралась. Мы вышли в коридор и я начал одевать свои сандали. Они были старыми и маленькими. Я сказал ей, что мне в них больно, и я хочу надеть другие. Мать снова начала размахивать руками, кричала, что я ничтожество. Она сняла пояс с платья и закинула его на балку у потолка. Она кричала, что ее окружают одни слабаки, и мой отец такой и я тоже. Она обвязывала пояс вокруг шеи. Это был первый раз. С тех пор я много раз снимал ее с петли.

Двери лифта, наконец, распахнулись. Вышла толпа разношерстных людей, кто – то из них безстрашно толкнул меня и побежал вперед. Я даже не обернулся. Моя голова была занята совсем другим, хотя мысли и перестали быть приятными. Через пару дней после похорон к нам приехал брат отца. Я не видел его до этого. Он выражал свои соболезнования за столом на кухне, а потом на полу с матерью, когда я случайно застал их. Он будто бы стучал ее. Я не знал, что они делали, но понял, что это было что – то гнилое. Все, что касалось моей матери было таким. После уезда моего дяди, она ничего не делала, кроме как смотрела на стену, не отзывалась, когда я звал ее. Потом, она нашла в кухонном шкафу запасы отца и сама пристрастилась к его пагубной привычке. Был конец осени и наша печь уже давно нуждалась в дровах. Те, что наколот отец ушли очень быстро. Когда я приходил со школы то чувствовал тепло, мать растапливала печь книгами отца.

И вот я уже нажимал кнопку с цифрой семь. Далеко же мне сегодня придется забраться. Я надеялся, что им не пришло в голову попросить меня принести оттуда шкаф на первый этаж. Маленькая коричневая тетрадка была моей единственной отрадой. Я перечитывал ее перед сном и мне становилось легче, я каждый день перелистывал ее, пока в один день не увидел, как она догорает в печке. У этой женщины не было ничего святого, слово ответственность было для нее лишь пустым звуком, не важно было, что будет есть семилетний ребенок, пусть хоть вообще ходит голодный. Я пытался разжечь печь, и много раз обжигался, я ловил кур и отрезал им головы, я дружил с соседской девчонкой, но родители более не разрешали ей дружить с сыном пьяницы. Мать могла уйти из дома на три или четыре дня, могла возвратиться с каким – нибудь мужчиной. Она повторяла, что я ничтожество, копия отца, она не должна

была с таким общаться. Она натянула на дверной косяк толстое покрывало и таким образом определила где чье владение.

В лифт ринулась толпа спешащих куда – то людей. Медсестра с какими – то склянками прижалась к стенке, отец с двумя близницами устроился посредине, последним вошел плотник, с трудом затащивший в лифт две большие белые балки. Какой – то мужчина попросил меня нажать на кнопку третьего этажа. Как же долго все это! – думал я про себя.

Так и текла наша жизнь, я ловил соседских кур и воровал из чужих огородов овощи, собирал в лесу ветки для того, чтобы топить печь. Мать редко выходила из комнаты, только, если к ней приходили мужчины, они всегда приносили еду и алкоголь. Она говорила, что я уже взрослый и сам должен уметь прокормиться. Мне было всего девять...

Лифт остановился на третьем. Плотник с большими усилиями выпихнул из лифта зло-счастные балки и побрел восвояси. Горели кнопки четыре и пять. Путешествие было долгое.

Когда мне стукнуло десять, я приобщился к сбору ягод и грибов. Рядом с деревней проходила трасса и то, что я собирал хорошо раскупалось. В двенадцать я начал следить за огородом, получалось посадить совсем немного, но мне одному вполне хватало. Я пытался готовить, с первых попыток выходило что – то горелое, но дальше было то, что оказывалось вполне съестным, да и выбора не было. Мать все так же пряталась под покрывалом. Она говорила, что ей от меня ничего не нужно, даже тепла в доме, ведь дрова приносил я. Мне редко удавалось увидеть ее. Она была укутана в фуфайки и шали, похожая на старуху, с опущенными веками и вечно перепутанными волосами.

Вот и загорелась кнопка семь. Я любил вспоминать отца, но только не мать. Для меня она была не более, чем женщиной, что дала мне жизнь, и жизнь, надо сказать, невеселую, она просто женщина в шали, старая, сгорбленная женщина.

Как же хорошо, что мои слова разнились с действительностью. Мне не пришлось перетаскивать шкаф с седьмого этажа, однако, то, что меня попросили сделать было ничуть не лучше. «Эй, парень, отвези – ка этих покойничков в морг!» Ничего себе просьбочка! Я проглотил огромный комок в горле и положил руки на каталку. Я никогда не чувствовал похожего. Я будто бы могильщик, делаю свое темное дело. Я шел по коридору, пару раз пришлось спрашивать дорогу, потому как я до этого не бывал в этой комнате с коротким названием. Почему – то никто не горел желанием дать мне подсказку или показать дорогу, все шарахались от меня, словно от прокаженного. Я старался не смотреть на то, что скрывала в себе белая больничная простынь. Какая мне разница, что за несчастный там на каталке? Я уже ничем не смогу ему помочь. Только вот это был не несчастный. Два небольших бугорка и красивый маникюр на пальцах маленьких ног... несчастная.

По коже пробежал мороз. Кругом были одни ящики, железные ящики, сколько же тут было мертвых. Я словно бы был в аду, хотя нет, в аду должно быть жарко. Может это было чистилище? Вдруг как раз сейчас чья – то неуспокоенная душа покидает брненное тело? Мне не было сказано, куда поставить каталку, поэтому я просто оставил ее у стены. Она катнулась вперед и ударилась об стол, простынь слегка сползла и показала белокурые локоны. Бедняжка, она должно быть была совсем юная. Отчего – то мне жутко захотелось поднять ту простынь и посмотреть на нее. С чего бы? Я сам не знал. Будто бы это было мне нужно. Один шаг, два шага, я протянул руку... Нет, я был просто трус.

Мне нужно было повторить это действие, отвезти и второй труп в морг. Теперь я знал дорогу. Сердце бешено колотилось в груди, а желудок будто бы стянуло жгутом. Лучше бы я и в правду перенес шкаф с седьмого этажа, чем это. Такое стало встречаться все чаще, только вот я никак не мог привыкнуть. Я в сотый раз проходил по до боли знакомому коридору: терапевт, педиатр, окулист... Дверь одного кабинета была открыта, и я почувствовал, как за мной потянулась волна из неприятного запаха каких – то медикаментов. К этому я так же не мог привыкнуть. День за днем, я чувствовал, что меня вот – вот стошнит, но в желудке не было

никакой пищи. От этого едкого запаха на пару секунд темнело в глазах, потом я снова приходил в себя и продолжал работать.

На следующий день опять путешествие в морг, меня как будто бы притягивало это место. Постепенно я понимал, что не ценил того малого, что у меня было. Ведь тогда и этого малого я был лишен. Добывать еду становилось все сложнее. Уже три дня в моем желудке не было ничего, кроме воды из кулера в коридоре. В одно утро кто – то все – таки обнаружил мое тайное прибежище. Уборщица зашла туда рано утром и застала меня врасплох. Она кричала, что если начальство узнает – меня уволят, (я несколько перефразировал ее слова). У меня внутри все переворачивалось, когда я слышал как женщина сквернословит. Но эта, думаю легче было перечислить те ее слова, которые не были неоскорбительными, их было всего несколько. Она пообещала заглядывать в ту комнату очень часто, и если еще раз увидит меня, непременно доложит начальству. Выбора не было. Я отступил.

Я все удивлялся: «Почему все не такие как я?» Я это не буквально. Почему люди, слыша, что в соседней комнате кого – то изтязают, не позвонят в полицию? Почему, видя, как мужчина избивает девушку прямо на улице, прохожие снимают происходящее на телефон, чтобы потом выложить в интернет? Почему все так бояться за собственную шкуру? Неужели я бы не помог? Неужели я бы прошел мимо?

В тот день я отдыхал на стуле в полупустом коридоре. Был обеденный перерыв, если можно его так назвать. Мои друзья – санитары отправились в столовую, а я вежливо отказался. Не хватало еще занимать у кого – то деньги. Я хотел повспоминать что – нибудь из прошлого, но в голову ничего не шло. Слишком шумно было вокруг. Я услышал, как кто – то стонет. Это был женский голос. Я выглянул из – за стены и увидел среди нескольких человек, сидящих на стульях, бабушку, у которой была ранена нога. Она стонала и причитала, что ей больно. У нее текла кровь. Бедняжка пыталась остановить ее руками. Из двери вышел врач и позвал следующего. Мужчина в черном пиджаке отложил газету и встал со стула. Всем вокруг не было дела до несчастной старой женщины, которая не могла больше терпеть и заплакала. Я не мог спокойно на это смотреть.

– Может, пропустите бабушку вперед? – спросил я, встав перед этими людьми.

Некоторые посмотрели на меня и отвели взгляд в сторону, как будто ничего не слышали. Другие покашлиали и ничего не ответили.

– Меня что, плохо слышно? – продолжал я. – Уступите очередь бабушке. Ей срочно нужно.

– Нам всем срочно нужно, – послышался тихий голос.

– Тебе срочно надо? Что, тоже кровь течет? Что – то не вижу! Куда торопишься, а?

– Вы здесь санитар, так что не в свое дело не лезьте! – сказала женщина с очками на большем носу.

– А и вы тоже торопитесь, да? А магазины работают до вечера! Успеете! – выкрикнул я.

Из кабинета вышла врач и позвала следующего. Возмущенная толпа переглянулась. С крайнего стула встал мужчина и направился к двери. Я встал у него на дороге и настойчиво попросил пропустить бабушку вперед. На что тот ответил: «Вот еще!» Я решил, что не отступлю. Я прошел впереди него и встал в дверном проеме.

– Пока не пропустите бабушку, никто не войдет! – крикнул я.

– У нас все в порядке очереди! – озлобленно сказала молодая врачиха.

– А что, экстренных случаев у вас не бывает? Вот это и есть экстренный случай! – сказал я.

Толпа больных свирепствовала. Несчастливая бабушка прижалась к стене и испуганно наблюдала за происходящим. Маленький, толстый подросток, что сидел рядом с дверью вытаскивал телефон и начал снимать меня на камеру.

– Что, что – то интересное нашел? Как же вы мне надоели! Лучше бы поднял свою тушу и помог старой женщине! – выпалил я и выхватил у него телефон.

Глаза толстого мальчика сразу округлели. Видимо аппарат стоил немалых денег, не то что мой.

– Что мама заругает? – спросил я.

– А ну, отдай! – кричал маленький толстяк.

– Лови, – сказал я и кинул ему телефон. Тот не смог поймать, хотя я целился ему прямо в руки.

Телефон упал на пол. Толстый мальчик поднял его и стал кричать, что там царапина.

– Ты сломал его! Я подам в суд, и ты заплатишь! – кричал пузан.

– Вот интересно, как может заплатить тот, у кого совсем нет денег!? – злобно сказал я.

– Уйдите с прохода и дайте следующему зайти! – сказала врачиха более спокойным тоном.

– Я никого не пропущу, пока вы не осмотрите бабушку! – повторил я.

Врач вздохнула. «Карта есть?» – спросила она. Я посмотрел на бабушку.

– А где ее брат? – спросила бабушка.

– Возвращайтесь с картой, – сказала врачиха.

– Да вы что, издеваетесь?

– Таковы порядки!

– Да к черту ваши порядки! Ей ведь просто нужно перебинтовать рану. Если к вам умирающего привезут, вы тоже откажете ему в помощи, если он без карты!?

– Если ей просто перебинтовать, то идите в перевязочную.

Я знал, где была перевязочная, но нужно было подниматься на лифте, а до него путь был весьма долог. «Плевать на них всех! Я сам помогу ей!» Радовало только одно: если люди настолько безразличны к чужому горю, то когда они сами будут истекать кровью, им тоже никто не поможет. Я поднялся в перевязочную. Медсестра от туда оказалась вполне дружелюбной. Она поняла, что там в низу была за ситуация, и дала мне бинт, объяснила что делать.

Бабушка все еще ждала своей очереди. Рана на ноге не прекращала кровоточить. Я перебинтовал ее, и немного отдохнув, мы отправились в регистратуру, где я помог ей заполнить карту, потом к терапевту, и в заключение, в перевязочную, где хоть один человек отнесся к нам с уважением. Я недоумевал: «Неужели мне придется видеть такое каждый день, каждый день отвозить мертвых в морг?» Нет, нет, я совсем не готов к такому. Наверяли, я смог бы все это выдержать. Я пошел к единственному человеку, который мог помочь мне, к Димке.

Я встретил его, когда он закрывал на ключ дверь кабинета.

– О, ты как раз вовремя! – сказал мой друг.

– Вовремя для чего? – спросил я.

– К обеденному перерыву! И отказы не принимаются!

– Ладно, я посижу с тобой. Поговорить нужно.

– Мне поговорить с тобой или с твоим желудком? – спросил Димка с издевкой.

– Что?

– Ты ведь знаешь, о чем я. Не отказывайся.

Да и как я мог отказаться? Едва почувствовав сладкий запах еды в столовой, мой живот забил бы тревогу. Димка этого не выносил. Мне так хотелось сделать и ему хоть что – то приятное взамен, только вот что я мог?

– Садись у окна, я принесу... что –нибудь, – сказал мой друг..

– Я отдам тебе... Я... Как только получу зарплату...

– Угу.

– Нет, правда.

– Слушай, давай так, как только ты разбогатеешь, ты ведешь меня в кафе, и мы гуляем за твой счет! А, как идея?

– Хорошо, как только у меня будут деньги.

Димка удалился. Я оглядел присутствующих. Мужчины, женщины, все были какими – то недовольными, измотанными. Спасают жизни, губя собственные. Был ли смысл? А может, и не нужно было во всем искать смысл? Может быть, нужно было делать то, что говорило сердце? А что говорило мое?

– Ну вот, работничек, ваш обед. Двойная картошка с котлетой, салат овощной и компот. «Прошу вас, сер», – сказал Димка и поставил на стол поднос. От запаха еды мой мозг мгновенно затуманело, как будто бы не осталось больше проблем и потребностей, только зов моего голодного чрева. Хотя я и привык к постоянному чувству голода, оно почти не донемало меня, но если передо мной стояла еда, я не в силах был отказаться.

– Приятного аппетита, – говорил Димка.

Я не смог ответить, только промычал что – то. Еда казалась такой вкусной, будто бы я ничего вкуснее в жизни не пробовал. Я съел эту порцию за несколько минут, и когда пил компот, ко мне снова вернулось сознание.

– Вот это аппетит! А я только к салату притронулся. Сколько дней ты не ел? – поинтересовался мой единственный друг.

– Немного, – слукавил я.

– Ответь честно.

– Три, – сказал я, глубоко вздохнув.

– Черт тебя..! Ты же так язву зарабатываешь! Ну почему не пришел ко мне? Разве я бы не дал тебе денег на еду? – разгорячился Димка.

– Ты же знаешь, я...

– Да знаю, черт тебя... Эта твоя идиотская гордость!

– Гордость не может быть идиотской.

– Она может быть неуместной.

Димка опустил глаза и принялся за картофельное пюре. Я знал, что мог попросить у него, знал, что он мне всегда поможет и это не будет ударом по его кошельку. Не знаю, может я старался со всем справляться в одиночку? У меня никогда никого не было кроме себя самого.

– Ну так, как работа? Нравится? – спросил Димка, пережевывая кусок котлеты.

– Об этом я и хотел поговорить, – начал я.

– Что опять? Снова что – то не так? – спросил мой друг и отложил вилку в сторону.

– Я не могу здесь работать, – признался я. – Не для меня это.

– Твою ж...

– Я правда не могу.

– Ты ведь и месяца здесь не отработал, опять бежишь. Да люди выполняют работу куда похуже и за меньшие деньги. Почему так, а? Ты же не на одной работе не задерживаешься, придумываешь отговорки.

– Мне просто нужно найти что – то свое.

– Черт тебя... Да, о чем ты? Сейчас работа – не хобби. Редко когда она приносит кому – то удовольствие. Это обязанность, это всего лишь способ раздобыть деньги, способ прожить дальше.

– Не кипятись так. Я же не сказал, что увольняюсь. Я хотел спросить, может у тебя есть друзья или знакомые, кому нужны работники, куда –нибудь, только не в больницу.

Я с надеждой посмотрел на Димку.

– Нет, Жень, у меня мало друзей, но все они врачи.

Должно быть он заметил перемену во мне, прочитал в глазах мое отчаяние. На несколько минут мы оба притихли.

– Слушай, а почему бы тебе не пойти в те места, где берут всех желающих? Вдруг спросил Димка, нарушив наше молчание.

– Это куда?

– В ресторан какой –нибудь, официантом.

– Официантом? Ты забыл ту историю? Я ведь уже работал официантом.

– Не припомню, чтобы ты мне рассказывал.

– Я рассказывал. Наверяли после этого мне открыта дорога в общепит.

– Ах, ты про того политика?

– Его избрали. Его возможности теперь куда больше, чем ты думаешь.

Мне тогда было толи двадцать два, толи двадцать три. Я думал так же, как Димка, что пойду работать туда, куда берут любого, в официанты. Я нашел приличный ресторан, где прилично платили для такой низкой должности. Я думал, что подавать еду не так уж сложно, но и там я нарвался на неприятности. Время на работе текло мучительно долго, в перерывах между тем, как я разносил еду и приносил счет, я таращился на стенку и старался найти тот участок, куда я еще не смотрел. У нас была глупая форма: черные брюки, белая рубашка и бабочка. Я был похож на лакея или дворецкого. Волосы заставляли укладывать гелем и делать пробор посередине, а еще улыбаться, всегда улыбаться, как идиот. Я был просто обслугой, ничем не отличался от уборщицы или горничной. Мне швыряли меню и оставляли на чай то шесть, то десять рублей. В один вечер мне доверили обслужить столик очень важного человека, политика, что баллотировался в государственную думу. Наш управляющий говорил, что я не должен налаживать, иначе мне грозит увольнение.

Я подошел к столику и протянул гостям меню. Политик ужинал в компании юной девушки, годящейся ему в дочери. Сам он был весьма мерзок, с большим животом и лысиной, с толстыми пальцами, на которых поблескивало несколько колец с бриллиантами. А его спутница была слишком уж ненастоящей, раскрашенная, как трансвестит, и показывающая всем своим видом, что этот ресторан для нее не годится. Она поставила на стол черную, лаковую сумку и все время доставала от туда телефон с блестками, чтобы посмотреть, сколько было времени. Когда я принес меню, политик сказал, что персонал совсем обнаглел, мол зря я подал меню закрытым. Потом он и его малолетняя подружка стали смеяться на том, что им подслали самого тупого и несмышленного официанта. Девушка спрашивала: «Сколько ее любовник оставит мне на чай?» Мужчина говорил, что я не достоин чаевых, я буду рад сожрать их обедаки. Пусть я в первый раз в жизни попробую фуагра. Это ведь будет честь для меня. Весь вечер эта парочка насмехалась надо мной, когда я проходил мимо. Они раз пять подзывали меня, чтобы я еще раз подогрел мясо или, чтобы я еще раз помыл бокалы, они нарочно пачкали скатерть и смотрели, как я вытерал ее, говорили подотри здесь и подотри там. Я все смотрел на стену с часами, жаждал, когда эти двое уйдут. Наконец, они попросили дать счет. Когда я принес им квитанцию, политик сказал, что сумма слишком большая, мол качество обслуживания совсем на низком уровне, и вообще, следует вычесть эту сумму из моего жалования. Его молодая спутница покачала головой и сказала, что это будет справедливо. Подбежавший по первому зову управляющий, боясь потерять свое теплое место, и в правду, решил взять с меня эту суму. Наверное в тот момент что – то внутри меня сломалось.

– Значит, качество обслуживания низкое? А что именно вам не понравилось? – спросил я.

– Чего это вы со мной разговариваете в таком тоне? – возмутился политик.

– Да! – подскочив крикнула его юная спутница.

– Мне вот всегда было интересно, такие как ты осознают, что с ним общаются только из – за его денег, осознают, что не будь их, он был бы просто некрасивым толстяком, на которого бы не обратила внимания ни одна приличная девушка? Они осознают? Я прервался тогда и взял в руки недопитую бутылку красного вина. Они осознают, что их спутницы смотрят на часы

каждые пять минут, потому что не могут дождаться, когда закончится этот кошмар. Тогда я вылил содержимое бутылки прямо в сумку девушки. Так скажи, они осознают? Осознают, что их любовницы блюют после того, как на них побывало такое мерзкое тело?

Его молодая спутница начала кричать как свинья, которую режут.

– И ты считаешь, это возвышает тебя, третировать тех, кто ниже, отбирать у них их грошевую зарплату, тогда как эта сумма для тебя ничто. Только вот ты не учел одного, те кто ниже тебя, не слабее тебя.

Помню, как болел мой кулак. Я ударил с такой силой, с какой только мог, слышалось трескание, его лицо, ее крики, управляющий, которого я толкнул на соседний столик. В тот момент я со всем смирился, уже был готов услышать на скамье подсудимых вердикт виновен. Но лучше это, чем унижение. Мне было плевать на последствия.

– Ну ты дал! Ничего не боишься! – восхитился Димка.

– Просто мне нечего терять.

– Разве что свободу.

Я так хорошо помнил те чувства. Я иду из ресторана в съемную квартиру, правая рука изнемогает от боли. И так странно, но я не жалею о том ударе, даже наоборот, горжусь этим. Мысленно я сел на скамью подсудимых и посмотрел в сторону исца, я смотрю свысока, мне плевать, что со мной сделают, пусть даже посадят на электрический стул, я все равно буду выше него, буду выше таких, как он.

– И так странно, что тебе за это ничего не было, – удивился мой друг.

– Шли выборы. Я думаю история о том, что его побил официант была не в его пользу.

– И все равно, ты не прав! Нужно вести себя более... смиренно что – ли.

Димке было трудно подбирать слова, ему хотелось тонко намекнуть мне, что мне пора изменить свою жизнь. Будто бы я не знал этого, будто бы я этого не хотел.

– Ладно, я пойду. Мне нужно проверить, как там бабушка, которую я спас, – сказал я и резко встал из – за стола.

– Какая еще бабушка? недоумевал Димка.

– Долгая история. Я потом расскажу.

Я поднялся в перевязочную. Может бабушке нужна была еще какая – то помощь, или ее нужно было провезти по корридору, или помочь купить лекарства в аптеке. Когда я поднялся, я увидел ее, сидящую на стуле возле кабинета.

– А вот и вы. А я уж думала пропали, – тихо сказала старая женщина.

– Я бы не бросил вас.

– Господи боже, какой же вы добрый человек! Такого редко встретишь! Еще и молодой! В ее глазах было столько добра и радости, что я невольно улыбнулся.

– Я подумала, что обязательно должна вам чем – то отплатить.

– Что вы, ничего не нужно.

– Сейчас – сейчас!

Она начала искать в сумке кошелек.

– Я не буду брать у вас деньги!

– Ну, что ты! Не думай, у меня большая пенсия!

– Я не возьму. Я просто помог вам, потому что посчитал это нужным.

– Любой труд нужно вознаграждать!

– Я... У меня очень большая зарплата так что...

– Что, правда большая? Ну надо же.

– Давайте лучше я доведу вас до аптеки и мы на эти деньги купим вам лекарств.

Бабушка одобрительно кивнула.

– Что за дивный молодой человек! – повторяла она.

Она вздохнула рассказывала о своей жизни. Наверное, я был единственным слушателем за многие месяцы, а то и годы. Лишь иногда я вставлял пару реплик, и то, когда она меня о чем – то спрашивала. Мне было так приятно на душе, что я кому – то помогаю, пусть даже в мелочах. Бабушка рассказала мне о покойном муже, который погиб еще во вторую мировую, о детях, которые слишком заняты, чтобы навещать ее, и о внуках, которые не знают ее адреса. И почему семья все время оссоцируется с чем – то светлым и хорошим? Почему все хотят непременно оставить после себя потомство? Почему они не думают, что это потомство нужно достойно обеспечить? Они все плодятся, желают на свадьбах побольше детей. Или может я не понимал чего – то? Я не думал о детях, мне нечего было им дать, мне попросту нельзя было их заводить, так же, как и девушку. Хотя последнего я не мог прекратить желать. Одну единственную, любимую, одну и навечно, ее настоящую... Может быть, это и есть то, что неизменно, любовь, желание испытать любовь, любовь вечная, любовь взаимная. Даже несмотря на одиночество, у этой бедной женщины была любовь. Она говорила, что не винит детей, просто у них другие, более важные дела. Она все равно их любила, любила своего мужа и хранила где – то глубоко память о нем.

Мы шли по улицам и держались за руки, шли медленно, и я не заметил, как мы ушли далеко. Этот район был мне мало знаком. Бабушка показала через дорогу и сказала, что там ее дом.

– Может быть, все – таки дать тебе немного денег? – спросила она в очередной раз.

– Не стоит. Купите себе лучше чего – нибудь к чаю, – сказал я и протянул ей маленький белый пакетик с лекарствами.

Она снова по – доброму улыбнулась. Я внимательно посмотрел на ее лицо. Без сомнения, эта женщина была в молодости очень красивой. Она помахала мне и пошла к своему подъезду. Я смотрел ей вслед, думая о том, что мне делать дальше. Я сбежал с работы и мне совсем не хотелось возвращаться обратно, совсем. Я был очень далеко от больницы и если бы пошел обратно, то успел бы только к концу рабочего дня. Это было бессмысленно. Если бы был выбор, то я скорее бы предпочел не идти туда вовсе. Я огляделся вокруг. Район не был густо населенным: вокруг были старые, пятиэтажные дома и маленькие магазинчики с продуктами, газетные киоски. Впереди меня был супермаркет. У меня в кармане как раз были монеты, которые я на днях выловил в фонтане в парке. Я вспомнил, что моя зубная паста закончилась и вошел туда, чтобы купить новую. Люди вокруг ходили с полными корзинками и тележками, не то что я. Продавец странно посмотрел на меня, когда я вывалил из кармана горсть десятикопеечных монет. Однако, я уже давно не обращал внимание на подобные вещи. Зубная паста была куплена, и я, не смотря по сторонам, чтобы не соблазниться, пошел к двери. «Что дальше?» – задал вопрос я сам себе и не получил ответа.

Я вышел из супермаркета и снова огляделся вокруг. Иногда мне просто нравилось рассматривать прохожих: высоких, низких, чванливых, девушек, которые гипотетически могли стать моими вторыми половинками, и парней, которые могли бы у меня их отнять. Это как смотреть фильм по телевизору, слушать чьи – то разговоры и ухватывать на лету кусочки из чужих жизней, смотреть на эмоции прохожих и изучать характер персонажей. У меня не было телевизора, улица заменяла мне его. Я увидел, как скамья позади меня освободилась и присел. Я не о чем не думал тогда. Я дал мыслям самим влетать мне в голову. Как и всегда меня никто не ждал. Плевать, что будет потом, тогда я просто хотел сидеть на той желтой скамье и думать, думать...

Я всегда был поклонником кинематографа, отечественного, зарубежного, не важно. Каждый вечер я усаживался за маленький телевизор, который унес из кухни. Мать кричала из соседней комнаты, что я мешал ей спать, и я делал по – тише, или почти выключал звук и садился прямо перед экраном. Ночью всегда шло самое интересное кино, и не важно было, что на следующий день мне рано нужно было идти в школу. Я жил фильмами. Когда мой друг

Сергей рассказывал мне какие –нибудь случаи из своей жизни или из жизни кого – то еще, я не мог ничего добавить. Я говорил, что уже видел такое в фильме. Однако, Сергею и другим моим друзьям было не интересно. Я должен был рассказать что – то про себя или своих знакомых, но мне нечего было сказать.

Помню, как я сидел на крыльце у водокачки и продавал овощи со своего огорода. Я сидел до девяти вечера, потом было время кино. Я то и дело посматривал на правую руку с маленькими электронными часами. Я так жаждал, чтобы время бежало быстрее. Я смотрел на перекресток и видел там Сережу, он возвращался от друзей, он махал мне рукой, а потом подошел ко мне и рассказывал, что он делал сегодня, а я о том, какие фильмы я вчера посмотрел. Стрелка подбегала к девяти и я быстро собирался домой, домой к телевизору.

После девятого класса Сережа поступил в училище и уехал из деревни. Он обещал мне приехать на каникулы, только не сказал на какие. На зимних его не было, а летом он все -таки появился. Я сидел на том же месте, на водокачке, посмотрев на перекресток, я увидел Сережу и еще каких – то двух парней, что не из нашей деревни. Я поймал взгляд своего друга и помахал ему, он помахал мне вслед. Я ожидал, что тот подойдет ко мне, как и раньше, но он отвернулся и пошел дальше. Тогда меня посетило странное, неприятное чувство. Я еще не знал, как оно называется.

Однажды слова начали менять свой смысл. Теперь дружба, которая до этого обозначала посиделки на лавочке у дома, была разбавлена черным словом предательство. Потом любовь, что думалась просто легким поцелуем в губы и забудьтем, выросла в собственное отсутствие и горькое отчаяние. Эти слова отчего – то вдруг стали больше в своем значении, будто бы раздулись внутри меня. Все переворачивалось. То, о чем говорилось в кино оказывалось непригодным в жизни, оно все оставалось там. Потом единственная моя жизненная радость постепенно начала улетучиваться. Я стал понимать насколько банальны были концовки, как наигранно играла роль моя любимая актрисса, я видел декорации, я замечал, что листья на деревьях не колыхались от ветра...

– Ой, как же тяжело! – сказал голос справа от меня.

Я машинально повернул голову. Там была маленькая девушка, нет именно маленькая, по другому было и не сказать, ростом от силы метр сорок и то с каблуками. Но она была настолько красивой, что я мгновенно отключился от своих воспоминаний. Она была настолько хрупкой, что казалось, она боится порыва ветра. Ее маленькое розовое платье точно облегало ее изгибы и не сходилось на груди, размер которой несколько не соответствовал такому хрупкому тельцу, по ее спине спускались белокурые волосы, а в руках была крошечная меховая сумочка. Девушка вынесла из супермаркета огромный пакет с продуктами, и не в силах понести его в руках, опустила на землю. Я не мог спокойно смотреть, как это хрупкое существо выбивается из сил.

– Позвольте, я помогу, – сказал я, привстав.

– Да, если можно, – ответила маленькая девушка. Голос у нее оказался очень звонким.

– Ну, вот. Куда нести? – спросил я, взяв в руки пакеты. Мне они совсем не показались тяжелыми.

– К машине. Видите, вон там, вольво красного цвета.

Девушка поспешила вперед и открыла багажник. Ее автомобиль выглядел новым, краска еще блестела.

– Спасибо вам. Как же хорошо, что есть еще добрые люди, а то пока я шла по магазину все только и тарасились, никто не помог, вот ведь сволочи! – сказала девушка и хлопнула крышкой капота.

– Я всегда рад помочь.

– Нет, правда, я так благодарна!

– Я уже слышал это сегодня.

- Старушку через дорогу перевели?
- Вроде того. Я сегодня всем помогаю. Такой день, наверное.
- Может быть, и я вам помогу?
- Нет, нет.
- Я же еще не сказала чем.
- Я не возьму ваших денег.
- А я только хотела предложить подвезти вас.

Мне стало неловко. Наверное, я только и думал о деньгах, раз начал говорить о них.

- Подвезти... Для этого нужно знать куда, – печально сказал я.
- Не поняла.
- Хм. В общем, нет такого места, где меня ждут, – признался я.

Белокурая девушка подняла брови.

- Тогда позвольте мне вас покатать, и мы вдвоем выберем место, – предложила она.
- Я одобрительно улыбнулся.

В салоне ее машины было теплее, чем на улице, пахло чем – то вкусным. Она быстро завела машину, положила свои маленькие пальчики на руль, и мы тронулись.

- Направо или налево? – спросила девушка.
- Направо.

– А я думала парням больше нравится налево. Кстати, меня зовут Натали. Поправка, не Наташа, ненавижу, когда меня так называют.

- Я Женя.
- А можно Евгений? Так звучит солиднее. У меня отца звали Евгений.
- Вам можно.
- А можно на ты?

Я покачал головой и усмехнулся. Она была настолько забавной, что ее улыбка сразу же вызывала ответную. Это был мой первый смех за всю неделю.

- Ты правду сказал? – спросила Натали и на секунду отвлеклась от дороги.
- Насчет имени? – не понимал я.
- Да нет же, про то, что тебе идти некуда.
- Да, это правда.
- Как же? Ну, а ночуешь на лавочке в парке чтоли?
- Как не печально, но да.

Почему то ей я говорил только правду.

- Но...

Девушка не смогла найти слов. Я сказал правду вовсе не за тем, чтобы меня пожалели. Это всего лишь истина, а ее не нужно стесняться. Это то достояние, которого не имеют порой те, кто смеет нами управлять.

- А работа? У тебя есть работа? – спрашивала Натали.
- Да. По крайней мере сегодня была.

Девушка посмотрела на меня исподлобья. Она на секунду округлила глаза, а затем снова принялась их прищуривать. Видимо девушка приняла мои проблемы близко к сердцу и начала думать, как помочь мне. Она казалась черезчур возбужденной.

- Со следующей зарплаты тебе обязательно нужно снять квартиру.
- Скорее комнату.

– Я могу помочь. Мой друг он, у него агенство недвижимости, – сказала Натали и снова отвлеклась от дороги.

- Хорошо, хорошо, только пожалуйста следи за дорогой.
- И вообще не понимаю, с твоей внешностью жить вот так. Смешно даже, все равно если бы я сама себе волосы красила.

– А ты работаешь? – перебил ее я.

– Да.

Я все прокручивал в голове: «Кем можно работать, чтобы накопить на такую машину?»

– У тебя, наверное, богатые родители? – предположил я.

– Нет. А что?

– Просто думал, что они или, может быть, это твой муж купил тебе такую машину.

– О чем ты? Мне всего девятнадцать. Какой может быть муж? Тем более, что я сама могу себя обеспечить.

Я начал думать над ее словами.

– Так что, Евгений, неправильно ты работу выбрал. Есть профессии куда по – приятнее и по – доходнее!

Мы катались еще около часа, болтали о разных вещах, о моем невезении и о ее красоте. Я неторопливо рассматривал ее профиль, ее мимику, когда она удивлялась, сосредотачивалась, рассказывала что – то. Она была такой маленькой, что ее хотелось защитить, открыть перед ней дверь, пододвинуть стул, принести завтрак в постель... Мне никогда не доводилось встречать таких, она была такой слабой, но не за что бы не позволила дать себя в обиду. У нее было все, а у меня ничего, мы дополняли друг друга. Я смотрел на ее руки на руле, у нее были такие тонкие запястья, что это даже пугало, на коньчиках пальцев бутафорные ногти и еще маленький розовый браслетик на правом тонком запястье. У нее были большие, зеленые глаза с длинными ресницами, которые, наверное, тоже принадлежали не ей, маленький носик и полные губы, крошечная родинка на подборотке. Пуговица на ее груди была расстегнута. Наверное, было трудно находить вещи с такими несоразмерными объемами. Хотя потом, в разговоре, Натали призналась, что шьет платья на заказ, а пуговицы на груди расстегнуты для пушей пикантности. Время от времени она поглядывала на меня и открыто строила глазки.

– Ну что, решил, куда тебя отвезти? – спросила она и остановилась на светофоре.

– Пока нет.

– Тогда поехали ко мне.

Она повернула назад, даже не дождавшись моего ответа, уговаривать меня было бессмысленно, мое желание продолжить наше общение было написано у меня на лице.

Тогда я ни о чем не думал, ничего не боялся, просто смотрел на нее, изучал. Через минут десять мы подъехали к светло – коричневой многоэтажке. Натали улыбнулась и открыла дверь автомобиля.

– Ну, побежали! – громко сказала девушка.

Я взял с заднего сиденья свой рюкзак и последовал за этой красоткой.

– Какой у тебя этаж? – спросил я, чтобы поддержать разговор.

– Двенадцатый. Это ничего, только вот лифт постоянно ломается. Однажды сломался, когда мне привезли новую мебель для спальни. Вод грузчикам пришлось попотеть!

Натали мило хихикнула, а потом замолчала на пару минут. Мы поднимались на двенадцатый, почти не смотрели друг на друга, только на то, как цифры сменяют одна другую, мы толи торопили время, толи просили его задержаться. Дом был новым, два года, а то и меньше, даже лифты еще не успели превратить в комнату уличного творчества. Поразительно быстро. Я следовал за ней, как ослик за морковкой на веревке. Поворот ключа, резкий поток света, еле уловимый запах полевых цвеев.

– Раздевайся, – говорит Натали и оглядывает меня. – Пока не полностью.

Я кинул свой рюкзак в угол в прихожей и пошел вперед. «Ничего себе», – думал я. «Я такие квартиры видел только в журналах модных интерьеров». По всему полу было белое ковровое покрытие, белоснежные стены, белая мебель в гостиной, все было так непривычно чисто, лишь иногда пробивался ее любимый розовый цвет, в занавесках, люстрах, карти-

нах. Мне никогда не доводилось бывать в таких роскошных домах, все эти навесные потолки и огромные кровати, все, как в рекламе по телевизору.

– Ты проходи на кухню, а я переоденусь, – сказала Натали и ушла в соседнюю комнату.

Я сел за стол и огляделся. Там было море всего, чем женщины орудуют на кухне: комбайн, посудомоющая машина, кофеварка. Я чувствовал себя не в своей тарелке, скорей всего Натали слукавила насчет того, что у нее не было мужа. Что если он вот – вот заявится из командировки, и я стану живым героем анекдота с бородой? Я не в том смысле, что я боялся лезть в драку, я про то, что я всегда был против того, чтобы заводить романы с несвободными девушками.

Натали появилась в дверном проходе с криком «та – там», одетая в розовый халатик с мехом, прямо, как героиня фильма, что я смотрел в детстве, правда у той еще были прозрачные туфли с пушком, как хвостик зайца.

– Хочешь, я накормлю тебя? – спросила гостеприимная хозяйка.

– Спасибо, не стоит.

– Ты выглядишь голодным.

– Нет, правда, я уже ел сегодня, – признался я.

Натали хихикнула.

– Сегодня? Ты бы еще сказал вчера!

Девушка подошла к холодильнику.

– Есть салат из сельдерея, брокколи, соевое мясо... О, китайская еда, вчера подруга приносила. Я вот такое не ем.

– Я правда ничего не хочу. Если хочешь, чтобы совесть перестала мучить тебя, налей мне кружку чая.

– Чая? А может молока с печеньками?

– Не смешно.

– Ну, тепленькое, с пенком, – мягко говорит девушка и облизывается. А если серьезно, у меня есть вино.

– Это можно, – согласился я.

Натали потянулась к верхнему шкафчику и достала оттуда большую бутылку.

– Полусладкое, надеюсь ты любишь.

– Прости, я не пью красное.

– Да? Как жаль. Может все – таки попробуешь, оно отличное.

– Нет. Может у тебя в сусеках все – таки завалялось немного белого?

– Не – а, – сказала девушка и задумалась на пару секунд. – Есть пиво, правда это на крайний случай.

– Разве сейчас не он?

Она неторопливо искала бокалы, то наклонялась, то ставила стул, чтобы добраться до самого верха. Я было хотел помочь, но Натали сказала, что помнит, где у нее стояли бокалы. Странная вещь, куханный гарнитур выделялся из остальной мебели. Я остановил на нем взгляд.

– Пялишься? – вдруг спросила девушка, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

– Нет, что ты!

– Ну, если смотришь, смотри. Только не стесняйся.

– Я смотрел на гарнитур, он такой...

– Красный? Странно да? Так все говорят.

– Думаю, у тебя не было бы проблем, если бы ты захотела купить белый.

– Тут своя история.

– Я люблю истории.

Девушка вытащила бокалы с верхней полки и поставила на стол.

– У тебя бывало такое, что видишь что – то и понимаешь, что это твое, плевать на всех и вся, ты хочешь обладать этим.

Уголки губ Натали образовали улыбку, она медленно провела своими тонкими пальчиками по краю бокала.

– Да, у меня бывало, – сказал я, четко вспомнив один момент.

– Иду я по торговому центру и смотрю на него, и черт подери, так захотелось его купить! Хоть он красный, он ну вообще ни к чему не подходит, но в тот момент это было совсем не важно.

Девушка подошла к холодильнику и вытащила оттуда две бутылки пива, судя по виду весьма крепкого.

– Я ехал в метро, – начал я. – Спускался по эскалатору, вижу как рядом, на соседнем эскалаторе вверх поднимается девушка, такая красивая. Я замер, смотрел на нее. Что с того, казалось бы, просто девушка. Но и она посмотрела на меня, причем таким же взглядом, как я на нее. Мы смотрели друг другу прямо в глаза, но никто ничего не сделал, она не побежала вниз, а я не побежал вверх. Я уже спустился, остановился прямо посреди метро и смотрел на нее, а она все еще смотрел на меня.

– А дальше? – спросила моя собеседница, открывая вторую бутылку.

– Я искал ее, часами кружил возле той станции, выглядывал ее в холе. Хм, даже если бы мы и встретились, я бы никогда не смог вернуть тот момент на эскалаторах, ее глаза, черное пальто и пышные кудри, момент, где ты беспомощен, как младенец. Я не знаю, может быть, это моя судьба проплыла мимо меня.

Натали перелила пиво, видимо заслушалась моим рассказом.

– Блин, ну ты и рассказываешь, я прям... Ох, тебе книжки писать надо, много заработаешь. А я тут со своим гарнитуром, ты явно выиграл!

– Я ни за что не боролся.

Она поставила на мою сторону бокал и приземлилась на маленький красный стульчик. Под ее халатиком просвечивалось яркое розовое белье. Она нарочно дразнила меня, ждала, когда я на нее накинусь, как животное. Может быть, это возбуждало ее, хотя скорее забавляло. Однако, в моей голове не было таких мыслей. Она безусловно была красива, даже более, чем просто красива, она была воплощением мужских фантазий. Один вопрос мне не давал покоя, хотя скорее, я боялся услышать на него ответ.

– Спрашивай!. – сказала Натали, будто бы прочитав мои мысли.

– Что спрашивать?

– То, о чем ты хочешь спросить, но не решаешься, я же вижу, – сказала Натали и подняла брови.

– Хорошо. Ты расскажешь мне, кем ты работаешь? – наконец, решился я и задал свой вопрос.

– Я актриса, – сказала девушка и сделала глубокий глоток.

– Я не видел тебя на экране.

– Я ведь актриса необычного жанра, может ты просто не поклонник таких фильмов.

– Каких таких фильмов?

– Фильмов для взрослых.

Какие – то ассоциации, нервное напряжение, воспоминания и отнюдь неприятные. Она говорила, что однажды поняла, что достойна большего и решила неприлично разбогатеть, не важно каким путем. Почему так? Любым путем, грязным путем, скольским путем, стыдным путем. Женское тело, как реклама, как зрелище, как стимул, как машинальная эрекция. Если меня бы спросили: «Как еще молодая девушка может хорошо заработать?» Я бы не нашелся с ответом. Натали тоже не нашлась. Зарабатывать за пару часов столько, сколько люди не зарабатывают в месяц, не напрягая ум, только и нужно, что выглядеть красивой. Зато потом... Деньги, деньги... И ты можешь купить себе все, что хочешь, все на что ты раньше смотрел и пускал слюну.

– Почему ты молчишь? Я испугала тебя? – спросила девушка. Весь ее недавний румянец куда – то исчез.

– Нет. Каждый зарабатывает так, как он может. Я тоже недавно решил неприлично разбогатеть, только, как видишь, до сих пор не сдвинулся с мертвой точки.

– Значит, ты плохо этого хочешь. Иногда нужно плюнуть на все и идти к своей цели, идти по головам, перестать думать о том, что скажут люди. Это – твоя жизнь, и она у тебя одна, другую не дадут!

Я смотрел на ее грустное личико и понимал, что в чем – то она права. Мы все живем так, как мы хотим, достигаем того, на что способны. И пока такие неудачники, как я плачутся в чужую жилетку и сетуют на судьбу и родителей, другие завоевывают мир.

– Ты так быстро все выпил. Я точно тебя озадачила, – сказала моя собеседница и вздохнула.

– Нет. Просто пиво отличное. Есть еще?

– Не – а. Но могу предложить тебе кое – что по – лучше.

Она поднялась со стула, подошла ко мне и села мне на колени.

– Знаешь, я не из тех, кто делает это в тайне ото всех, родителей и друзей, не из тех, кто надевает парик и замазывает татуировки. Мне это нравится. Когда объектив камеры смотрит на тебя, ты знаешь, что тебя записывают, знаешь, что потом кто – то будет на тебя смотреть, представлять себя на месте твоего партнера. Знал бы ты, как это возбуждает. Говорят, что порно актриссы не испытывают оргазма, что для них вскоре это становится работой, обыденностью... Я испытываю, каждый раз, много раз.

– Я...

Я не знал, что сказать. Она на прямую перешла к соблазнению. Она брала мою ладонь и прижимала ее к себе, крутила, трогала мои пальцы.

– Ты, наверное, никогда не работал руками, это сразу видно, – предположила она.

– Не угадала. Я работал, и довольно – таки долго, ремонты делал.

– Странно, у тебя такие нежные подушечки пальцев, от таких я, наверно, мгновенно кончу.

Я все еще не знал правильно ли было это, переспать с порно актриссой. Так сделал бы почти любой мужчина, что ошибочно считает себя нормальным, не только переспал бы, но и похвастался бы на следующий день своим друзьям.

– Мне так нравится твой запах, такой естественный, соленый, – продолжала девушка.

– Странно, что кому – то такое нравится.

– Мне все в тебе нравится. Ты очаровываешь. Ты похож на моделей, что я видела на показах мод.

– Не льсти мне.

– Я и не думала. Ты что, когда смотришься в зеркало не видишь этого? С такой внешностью тебе тоже нужно неприлично разбогатеть.

– Кажется, ты пьяна! А ведь всего один бокал.

– Я не пьяна, я все ждала, когда ты поцелуешь меня. Знаешь, надоело ждать!

Она впиалась в меня своими пухлыми губками, ее язык быстро обвился вокруг моего, как угорь. Только не это! Самосознание начало меня покидать. Я это ненавидел.

– Пойдем в спальню. Трахать тебя все равно, что одну из тех моделей на подиуме.

– Я бы выразился иначе.

– Тебе не нравится слово трахать? Ты такой невинный...

Я помнил второй курс, девушку по имени Валя. Я снимал комнату у какой – то старушки, очень дешево, потому мне приходилось слушать за стенкой ее потоянный храп. Валя была симпатичной девушкой, темные волосы, карие глаза, черные платья. Я не был влюблен

в нее, но она, наверное, любила меня. Мы встречались в университете, я приглашал ее в кино, когда работа позволяла, в кафе, когда позволяли финансы, но Валя напрашивалась ко мне домой. Она говорила, что уже спрашивала у вахтерши, но та парней не пускала. Я понимал, чего она хочет, но не понимал, для чего нам так торопиться. Однажды она позвонила и сказала, что опоздала в общежитие. Это был лучший предлог, чтобы попасть, наконец, ко мне домой. Не прошло и десяти минут, как она принялась меня целовать, снимать одежду и бросать ее на пол, девушку не смущал даже храп бабушки за стенкой, которая могла проснуться и прогнать незванную гостью. Я терял самоконтроль. Порой я ненавидел свою природу. Мокрый поцелуй, созерцание груди, прикосновение ко всему сокровенному, и я уже не я, а просто раб своей плоти. Я толком не помнил происходящее, тело работало, а мозг, как будто отдыхал. Я помнил секс с Валею, подобного у меня никогда не было. Она сделала такое, что заставило мой мозг снова включиться. Она просила называть ее грязной шлюхой, шлепать ее, тянуть ее за волосы, унижать, называть всеми известными мне грязными словами. Я не понимал ее и таких как она, наврядли когда –нибудь пойму. Никому не нравится, что об него вытирают ноги. Она же сама просила об этом. Секс не приносил мне удовольствия, только ей. Я почувствовал к этой девушке такое отвращение, что не мог более себя сдерживать. Я заставил ее одеться и уйти. Она стояла у двери и не понимала почему. Я же не понимал, почему этому человеку не свойственно слово самоуважение, ведь из – за таких девушек, как она, страдают другие девушки, что ценят себя. Из – за них парни сравнивают с ними других девушек, будто все они тоже являются такими, а таких лишь большинство. Валя плакала и просила, чтобы я ее оставил, ей было некуда идти. Тошнота подкатывала к моему горлу. Я сжал руку в кулак и ударил по стене, рядом с ее лицом. Она была просто мусором, никем...

Натали была совсем другой, она знала себе цену. Эта красотка восседала на мне, как царица на троне, она знала, что великолепно, она делала все великолепно, она получала удовольствие, она не забывала его дарить. Изгибы ее тела были такими идеальными, ничего лишнего. Эта самка бы никогда не дала себя в обиду, не позволила бы обозвать себя шлюхой, все играли по ее правилам. Я не думал, что это случится, не хотел быть ее добычей. Но поцеловав ее, мне стало наплевать. Я снова ненавидел себя. Я лежал в ее белоснежной постели. Вечер, еще даже не стало темно, я этого не заметил. Натали спрыгнула с кровати и побежала ответить на звонок.

– Как? И что теперь делать? Подожди, не отменяй все! Есть один вариант, – говорила она.

– Что – то плохое? – предположил я.

– Парень, который завтра должен был играть со мной попал в аварию.

– И что теперь?

– Это важный клиент, мы не подводили его раньше.

– Неужели нельзя никого найти? Я думаю будет толпа желающих.

– Просто Андрей сам выбирает актеров. Он коллекционер. Мы снимаем фильмы по его сценарию и только для его глаз.

– Вот как.

– Ну... если только ты меня не выручишь.

– Я? Ты же говорила, что этот мужик отбирает всех сам.

– Да, но если я скажу, что ты мой знакомый, он не откажет. Гонорар, как новечку, полторы тысячи долларов.

– Натали...

– Просто подумай! Ты в своей вшивой больнице столько за месяц не зарабатывал, зато вкалывал там как... Темболее тебе нечего бояться, в кадре и я буду. Тебе всего лишь нужно сделать то, что ты сделал только что со мной. Может это и есть тот способ, что и тебе позволит неприлично разбогатеть.

– Хорошо, давай попробуем.

– Класс.

Натали набрала номер и говорила в трубку: «У меня есть замена, мой друг, да. Пусть Паша платит за аренду студии и за аппаратуру, оператор будет с нашей стороны. Да, я помню, в 11, вторая арка...»

3.

Что я вчера сделал? Согласился на это? Я небрежно потер глаза. Неужели я сказал хорошо? Может это был сон? Хотя нет, врать мне бы так повезло. «Боишься?» – спрашивает она. Не то чтобы, хотя кого я обманывал... Она как будто сдала меня в стан таких же, как она сама. Деньги, деньги... Неужели ради этих бумажек я стал готовым сделать все, что угодно? Я, еще недавно рассуждавший о непродажности, сдержанности, гордости. Куда пропали все эти чувства вчера? Я просто был упоен ею, ее телом, я словно был пьян, делал что – то, говорил что – то, мог признаться в любви, а на следующий день собирал воспоминания по кусочкам.

Кофе и две ложки сахара, у нее дома не было молока. Она все время улыбалась, смотрела на меня, она говорила, что мне это понравится. Я должен был сказать ей, сказать, что я не смогу. Мне нужны были деньги, но не настолько, чтобы жертвовать самоуважением. Я набрал в легкие воздуха и сказал: «Прости Натали, я не смогу сняться с тобой. Я поторопился с ответом вчера, мне нужно было хорошо все обдумать.»

– Так и скажи, что боишься, – ответила она, даже не приняв не одной попытки меня понять.

– Дело не в этом.

– Я в первый раз тоже боялась, потом вот выпила для храбрости и все пошло, как по маслу.

Я уже спускался по лестнице, на спине мой рюкзак, от чего – то он становился все тяжелее. Ее пухлые губы опять касались моих. Мне снова начинало казаться, что в этом нет ничего страшного. В конце концов, меня никто не принуждал, если бы я захотел отказаться, никто не заставил бы меня делать это насильно. Оставалось только понять, как после всего этого мне смотреть в зеркало? Они отбирали у меня последнюю ценность – мою гордость. Наплевать, пусть берут! У меня ничего не останется, зато я буду умирать со спокойной душой.

– Ты все время смотришь по сторонам. Все еще волнуешься? – интересуется она.

– Это оказывается не так легко.

– Возьми в бардачке, там успокоительное.

Успокоительным эта девушка называла литровую бутылку водки.

– Давай, тяпни для храбрости! – крикнула она.

– Фу, ненавижу водку! – выпалил я.

– Ну ты нытик, давай мне.

Натали сделала неуверенный глоток и прищурилась. Она держала руль одной рукой и другой протянула мне буылку.

– Давай! Один глоток и я отстану.

Я закрыл глаза и начал глотать эту горькую безцветную жидкость. Я знал, что это поможет.

Мне было интересно, как выглядело это здание порноиндустрии. Черт, мне даже было противно произносить это слово. Ну зачем я...

– Выходим, – говорит Натали и поворачивает ключ.

Это было обычное здание, рядом был ресторан и агенство недвижимости. Что – же я ожидал, может вывеску «снимаем порно»?

– Пойдем, нас уже ждут! – говорит девушка и берет меня за руку. – Вижу, ты уже успокоился. Не переживай, все быстро закончится, ты и не заметишь. А потом мы ходим куда –нибудь! Хочешь в какой –нибудь дорогой магазин, купим тебе нормальных шмоток или в салон красоты ходим, шевелюру твою в порядок приведем.

Она выглядела через чур воодушевленной. Я не знал, но может эти откровенные съемки приводили ее в такой восторг.

Мы зашли в помещение, не было ни вывески, ни указателя, белые стены, повсюду разбросаны инструменты для ремонта. Мы спускались в подвал. Я заметил, что по правую сторону от меня была лестница вверх, это было полезно на случай, если мне пришлось бы делать ноги. Какие – то голоса, брнчание, звук чего – то падающего и трескающегося.

– Давай, направо, – показывает Натали.

– А вот и главная героиня! – прокричал мужчина, резко показавшейся из дверного проема. – Опоздала на семь минут!

– Можно подумать, съемочная команда уже готова, – ответила девушка.

– Нет. Но а если бы была готова!?

Мужчина был странного вида, в черном свитере и обтягивающих черных брюках, с прилизанными назад волосами. Он явно не стеснялся того, что принадлежал к сексуальному меньшинству.

– Так, а это у нас на замену? – спросил режиссер и посмотрел на меня.

– Да, это мой друг, он хочет попробовать.

– Боже мой, друг? А почему я раньше его не видел? Ну, надо же, а! Погоди – ка! Он оглядел меня с ног до головы и попросил повернуться. – Точно! Идеально! Почему я раньше его не видел!? Зачем скрывала от меня!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.